

☯ Лондонская премия представляет писателя ☯

Гаджимурад Гасанов

Тайна Дюрка

Том 1

Гаджимурад Рамазанович Гасанов

Тайна Дюрка. Том 1

**Серия «Лондонская премия
представляет писателя»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51340511

*Тайна Дюрка: роман. Том 1. / Г. Гасанов: Интернациональный Союз писателей; Москва; 2020
ISBN 978-5-00153-247-7*

Аннотация

Шахри-Зада – жрица священной пещеры Дюрк. Она в себе несет частицу божественного Света. Но рок преследует ее. С рождения судьба уготовила Шахри-Заде стать жрицей храма Ашшур в Ассирии. Но оказалась она за пределами своей родины, стала жрицей в священной пещере Дюрк, хранительницей Родового огня табасаран. В пещере Дюрк злой рок не переставал ее испытывать. Она неожиданно попала под влияние злобного колдуна-ассирийца горбуна. Горбун, являясь жрецом храма Ашшур, своему верховному богу Ашшур в Новый год преподносил необычные жертвоприношения в виде молоденьких девиц, младенцев. В противоборство с горбуном, околдованной им сестрой, на смертный бой выходит младшая сестра Хава. Когда Хава не сумела вернуть сестру на праведный путь, она с

помощью духа Матери всех матерей решила наказать колдуна и отступницу сестру, а священную пещеру Дюрк, очаг с Родовым огнем очистила от скверны. У многих, когда слышат историю Дюрк, перед глазами проходят огромные пещеры, винтообразно уходящие в гору, устланные коврами, сумахами, обрядовыми танцами, песнопениями, майданом жертвоприношений... От этого от волнения перехватывает дух, сбивается сердечный ритм, леденеет душа.

Содержание

Жрица, потерявшая лицо	9
Дюрк – святилище табасаран	18
Переполох у священного дуба	24
Царица Семирамида	37
Жемчужина Ассирии	59
Аукцион	76
День триумфа	88
В западне водной стихии	125
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Гаджимурад Гасанов

Тайна Дюрка. Том 1

Гаджимурад Гасанов

Родился в с. Караг Табасаранского района Республики Дагестан. Учился на филологическом факультете Дагестанского государственного университета. В районной газете работал корреспондентом, заведующим отделом, заместителем главного редактора, редактором. С 1905 по 2017 годы работал главным редактором ГБУ РД Редакция республиканской газеты «Зори Табасарана».

Автор сборников рассказов и повестей на табасаранском языке: «Зайнаб» (1992), «След рыси» (1996), «Петля судьбы» (2008), изданных в Дагестанском книжном издательстве.

В 2016 году в издательстве «Написано пером» (Санкт-Петербург) выпустил сборник рассказов и повестей «Зайнаб». В 2017 году в издательстве «Интернациональный Союз писателей» (Москва) вышел двухтомник «Млечный путь Зайнаб. Зарра» в серии «Современники и классики». В том же году в «Супер Издательстве» (г. Санкт-Петербург) вышел третий том сборника рассказов и повестей «Млечный путь Зайнаб. Шах-Зада». Произведения автора переведены на болгарский, английский языки. Печатается в журналах «Российский колокол», «Золотые пески Болгарии». В Ялте на конкурсе «ЯЛОС-2017» за книгу «Зайнаб» присуждено третье место в номинации «Проза» с присвоением звания «Лучший писатель года».

За книги «Млечный путь Зайнаб. Зарра», «Млечный путь Зайнаб. Шах-Зада» Интернациональным Союзом писателей награжден медалью-премией А. С. Пушкина. В 2017 году в рамках проектов ИСП номинирован на получение премии В. Набокова, а также пяти престижных премий в области литературы. За выдающиеся заслуги в области литературы стал соискателем Московской премии по итогам 2017 года.

Является заслуженным работником культуры Республики Дагестан, членом Союза журналистов РФ, членом Интернационального Союза писателей. Награждён почётными грамотами, дипломами Республики Дагестан, Российской Федерации, Союза журналистов России.

Жрица, потерявшая лицо

Вместо предисловия

Человек в жизни может столкнуться со всякими случайностями: приятными встречами и неожиданными расставаниями, любовью и ненавистью. От одних встреч душа человека заполняется теплом, от которого хочется жить и радоваться. После других встреч, неожиданно отнимающих душевные, телесные силы, в его душе навсегда может поселиться недоверие, ненависть. В зависимости от того, с кем человек встречается, общается, делится куском хлеба, его жизнь тоже меняется к лучшему или худшему. Жизнь может колебаться от любви до ненависти, от нежности до грубости, от желания любить, быть рядом до желания возненавидеть.

Обычно такие метания не остаются бесследными. Память о них в сердце сохраняется до конца.

В одной древней Книге сказано: «Есть те, которые обитают над куполом Земли. Люди, живущие над ним, ведут себя, как кузнечики. Есть те, кто расправляют купол земли, стеля его перед человечеством, как развернутую душу или как тонкую теплую ткань. В случае грозящей опасности они небесный купол расправляют, как шатер, стараясь им укры-

вать всех. Встречаются и те, которые порываются сбрасывать этот купол, рвать его на куски...».

Шахри-Зада – главная героиня романа «Тайна Дюрка. Жрица, потерявшая лицо» – это редкостное создание, с которым хочется жить под тем куполом. Часто видется, подолгу говорить, не насыщаясь ни встречами с ней, ни разговорами, ни любовью. Это тот исключительный человек, которая с тобой может взлететь в небеса, рыбой проплывать по морю, звездой мерцать на небесном куполе, радоваться твоему счастью, плакать, вместе страдать. Она многогранна, она умна, она противоречива. Она та, со своими плюсами и минусами, от которой никогда не хочется сбежать, Она та, которая на самой высоте космического полета в случае опасности может изменить направление корабля, с космической скоростью нестись к земле, не думая о том, что можно разбиться.

Шахри-Зада – жрица священной пещеры Дюрк. Она и несет в себе частицу божественного Света, и таит в себе грозу. Трансформировавшись, Шахри-Зада живет жизнью жрицы священной пещеры и колдуньи. От чего страшно страдает. Вдруг божественный свет, который она в себе несет, вмешавшиеся в ее жизнь темные силы могут превратить в ночь. Если Шахри-Заду судить как жрицу, она та цельная натура, которая в непогоду Небеса раскидывает над головами людей, как тонкую бирюзовую ткань. И она эту ткань в случае грозящей опасности может превращать в шатер для всего чело-

вечества.

А если ее судить как колдунью, она вдруг превращается в того страшного огромного паука, который, расставляет тонкую ткань, как паутину, ловя всех жертв, кто в нее попадет-ся, чтобы напасть, высасывать из них кровь.

В противоборство с сестрой, даже на смертный бой с ней, как с колдуньей, выходит младшая сестра Хава. Она кинулась спасти священную пещеру Дюрк от злобного Горбуна, совратившего сестру, от колдуньи Мидии, всех темных сил.

По роману яркими звездами проносятся светлые образы Матери всех табасаранских матерей, хранительницы Родового огня священной пещеры Дюрк, главного жреца.

Историю о священной пещере Дюрк, жрице, которая там обитала, я впервые услышал из уст матери, когда еще находился у нее под сердцем. Потом, после рождения, продолжение истории главной жрицы слышал по вечерам в кругу семьи у горящего домашнего очага.

А самую главную часть истории жрицы Шахри-Зады услышал от матери, когда подрос. Продолжение ее истории мама рассказывала, когда мы с ней отправлялись на сенокосы, расположенные высоко, на альпийских лугах, под Джуфдагом. В дороге тогда я молил бога, чтобы этой истории жрицы и самой дороге не было конца.

Это была горькая история судьбы ассирийки Шахри-Зады, которая в девятом веке до н. э., во время вероломного восхождения на престол Ассирии царицы Семирамиды, с от-

цом и сестрой Хавой была вынуждена сбежать в Табасаран. В Горном крае судьба с ней поступила еще суровее. Она в Табаристане, ради спасения племени табасаран от злобного Горбуна, была вынуждена против своей воли выйти замуж за нелюбимого человека, стать жрицей священной пещеры Дюрк. После замужества ее возвели в ранг Матери всех матерей, в хранительницу священной пещеры Дюрк, ее Родового огня.

Еще с рождения судьба уготовила Шахри-Заде стать жрицей храма Ашшур в Ассирии. Но судьба поступила с ней по-своему. Решив испытать, отправила далеко, за пределы своей родины, сделала жрицей священной пещеры Дюрк, Матерью всех матерей, хранительницей Родового огня табасаран.

Но и в священной пещере Дюрк злой рок не переставал ее испытывать. Являясь главной жрицей священной пещеры, неожиданно она попадает под влияние злобного колдуна-ассирийца, который волей судьбы оказался в тех краях. Колдун славился маниакальной жестокостью, хитростью, садизмом. Колдун своими колдовскими заговорами, заклинаниями к праотцам отправлял десятки, сотни молодых женщин. Горбун, являясь жрецом храма Ашшур, своему верховному богу Ашшур в Новый год, другие праздники преподносил необычные жертвоприношения в лице молоденьких девиц, младенцев.

У жрицы Шахри-Зады волей верховных ассирийских богов жизненный путь искривился так, что ее занесло в иной

мир, к иным людям, соблюдающим совершенно непонятный ей жизненный уклад. В Табаристане верили иным верховным богам. Жрецы табасаран своим богам преподносили другие жертвоприношения. У них обряды, обычаи носили совершенно иной характер. Ей пришлось не только переменить все чуждое, но и ради спасения племени табасаран выходить замуж, стать главной жрицей их святыни – пещеры Дюрк, хранительницей Родового огня.

Казалось бы, она привыкла, с любовью приняла правила новой жизни, иных богов. Стала самой уважаемой в племени табасаран – Матерью всех их матерей. Но в ее жизнь опять вмешались верховные боги Ассирии, внеся в нее сумятицу, хаос и разброд. В жизнь Шахри-Зады вошел Горбун в лице одного из жрецов храма Ассирии, приверженца культа крови, жестокости. Он в жизнь Шахри-Зады вошел со своими жестокими правилами, своей ненавистью ко всему – к людям, окружающей среде, религии, к верховным богам табасаран. Горбун сумел проникнуть в сознание Шахри-Зады, изнутри сломать то, что ей стало ценно, близко к сердцу. Он разрушил тот магический круг, который оберегал ее как главную жрицу священной пещеры Дюрк. Вынудил главную жрицу табасаран отказаться от своего учения добра и мира, принять на себя жестокие правила поведения, жертвоприношений колдуна. Оказавшись в паутине колдуна, она была вынуждена принять религию ненависти, жертвоприношения богам не домашним скотом, а людьми. В своем стремлении

оказаться выше всех, людей, богов, Шахри-Зада попала под воздействие колдовских чар и заговоров Горбуна. Он святилище древних табасаран с Родовым огнем превратил в логово сатаны, подземных духов, демонов и джиннов.

Благо, в трудные минуты испытания рядом с главной жрицей Шахри-Задой находились главный жрец Ашур, Мать всех матерей, младшая сестра Хава. Когда Хава не сумела вернуть сестру на праведный путь, она с помощью духа Матери всех матерей решила наказать колдуна и отступницу сестру Шахри-Заду. А священную пещеру Дюрк, священный очаг с Родовым огнем очистила от скверны сатаны.

История священной пещеры Дюрк табасаран, их Родового огня, ее хранительницы Матери всех матерей своим рождением, драматизмом, развитием сюжетных линий восходит к былинам древних народов Земли: шумеров, ариев, ассирийцев, кайсанцев, фракийцев, гуннов, евреев, хурритов, басков.

О месте, значении священной пещеры Дюрк, ее Родовом огне еще с доисторических времен было известно за пределами Табаристана, Горного края, Кавказской Албании. В пещеру Дюрк на поклон, зиярат с жертвоприношениями приходили, приходят со всех концов Востока.

На заре своего становления Табасарану пришлось пройти путь от язычества, огнепоклонства, до христианства, от христианства до ислама. После огнепоклонников в священной пещере Дюрк свои обряды проводили жрецы христиан. А по-

том в Табаристан надолго пришел священный ислам. С принятием табасаранами ислама священная пещера Дюрк стала их главной реперной точкой, культовым местом поклонения мусульман, местом зиярата, жертвоприношений скотом, другими дарами.

У многих людей, когда слышат историю священной пещеры Дюрк, главной жрицы Шахри-Зады, Матери всех матерей, перед глазами встают огромные пещеры, винтообразно уходящие в гору, устланные коврами, сумахами, с обрядовыми танцами, песнопениями, майданом жертвоприношений... От этого от волнения перехватывает дух, сбивается сердечный ритм, леденеет душа.

В священную пещеру Дюрк, когда ее покинули огнепоклонники, пришли христианские жрецы, после исламские мудрецы, казалось, там жизнь приобретет иной характер, погаснет Родовой огонь. Священная пещера Дюрк будет жить совершенно другой жизнью, а Родовой огонь мерцать подругому. Со сменой огнепоклонников христианскими жрецами, потом мудрецами ислама, исполнение обрядов, поклонение священной пещере Дюрк, Родовому огню, казалось, будет носить другой характер, смысловое значение, религиозную окраску.

Бывало, огнепоклонники, христиане, мусульмане, которые одно время оказались рядом в одной галерее священной пещеры Дюрк, нередко между собой вступали в конфликт. Но со временем, приспособливаясь, язычники, христиане,

магометане находили свою нишу в сердце племени, стали терпимее относиться друг другу. Многие обряды, исполняемые одним и тем же племенем – язычниками, христианами, мусульманами – носили одно смысловое значение. Они становились близкими по духу. Переняв друг у друга самое ценное (исполнение религиозных обрядов, других праздников), огнепоклонники, христиане, магометане в лице одного племени между собой каким-то образом органически сплелись. Обряды поклонения священной пещере, Матери всех матерей, Родовому огню, праздник весны Эвелцан, встречи Нового года нашли свое продолжение в веках. До сегодняшнего дня в Табасаране продолжают поклоняться священной пещере Дюрк, Родовому огню, отмечать праздник огнепоклонников Эвелцан или Нового года по лунному календарю. Во всех галереях священной пещеры Дюрк все еще витает дух Матери всех матерей.

С уходом язычников, христианских жрецов в священную пещеру Дюрк благочестивые мусульмане вносили новую жизнь, другой колорит, новый дух и веяние времени. Там не прекратилась деятельность, а намного активизировалась. По четвергам и пятницам с жертвоприношениями приходят на зиярат со всех концов Табаристана, Дагестана. На майдане жертвоприношений паломники делают жертвоприношения.

Не прекращается и поток туристов.

Священная пещера Дюрк с семью галереями, винтообразно углубляющимися в жерло горы, ее Родовой огонь – это

чудо, правда и сущность табасаран. Правдой является и то, что пещера Дюрк в южном Дагестане является одним из самых почитаемых, посещаемых мусульманами, паломниками культовых мест.

Ученые, арабисты, люди, влюбленные в свой край, не забывают странную историю жизни ассирийки Шахри-Зады, главной жрицы священной пещеры Дюрк. Я ее услышал, находясь еще в утробе матери. Быть может, придумал ее продолжение. А может, ее продолжение мне на ухо нашептали духи священной пещеры Дюрк, с доисторических времен оберегающие мое племя, Табасаран от злых колдунов, их заговоров, заклинаний.

Пещера Дюрк, ее Родовой огонь, как раньше, оберегают Табасаран от враждебных сил, веками с огнем и мечом пронсящими по Горному краю.

Гаджимурад Гасанов

Дюрк – святилище табасаран

Двухэтажный дом выходца из Ассирии, главного жреца священной пещеры Дюрк, стоял на самом краю горного плато. От дома простирается плато с майданом, куда паломники со всего Табаристана приходят с жертвоприношениями своим верховным богам. Между майданом и стойбищем Хустиль находится посевная площадь на тридцать мерок зерна. С левого бока плато Дюрк, с запада на восток, зигзагами растягивается узкое ущелье с небольшой говорливой рекой Дюбек-чай. В двух-трех верстах к югу-востоку от стойбища, в долине реки, стоит кошара, построенная из тростника, перекрытая тоже камышом. Там главный жрец пещеры Дюрк Ашур держит овец. На некотором расстоянии от кошары находится ферма с дойными коровами. Недалеко виден другой загон, где откармливают мясной скот. Чуть в стороне, восточнее, располагается конюшня, где хозяин выращивает породистых арабских скакунов.

От жилого дома к майдану жертвоприношений тянется извилистая тропа. Тропа берет свое начало далеко, за священной горкой Дюрк. Гора Дюрк от юга карнизами спускается в сады, раскинутые по холмистой поляне. За садом, где цветут яблони, груши, сливы, начинается ореховая роща. За ореховой рощей виднеются аулы Гурхун, Хустиль, чуть дальше Дюбек.

По западной части горного плато широкими полями простираются посевы ячменя, ржи, гороха. Еще дальше, под горным хребтом, за которым по широкому ущелью несетя река Рубас, на склонах цветут луга, растет дремучий лес. За лесом синеют зазубрины горных поясов. Еще дальше, за горными хребтами, перемешанными с чередой холмов, барханов, из тумана местами выглядывают хребты Малого Кавказа. Над Малым Кавказским хребтом, меж караванов вечно кочующих туч, возвышаются пики гор Главного Кавказского хребта, укутанные снегом.

С восточной вершины священная гора Дюрк каскадами спадает вниз, превращаясь у подножия в холмистую равнину. За равниной начинается царство солончаков, где местами растет горькая полынь с саксаулом. А дальше в мареве тонет прикаспийская степь. Еще дальше, за сыпучими песками, с севера на юг свои голубые воды раскатывает море Каспиан.

На северо-западе плато Дюрк граничит с известняковым утесом, по краям которого красуется молодая рощица, состоящая из дубов, вязов, осины.

Тропа, идущая из дубравы, проходит посредине майдана жертвоприношений. Она, сделав крюк на краю утеса, простирается дальше, меж кустов, к кромке рощицы. Там, где заканчивается тропа, с подножия священной горы на север дугой растягивается небольшой зубчатый хребет. Над хребтом, образуя козырек, крышей нависает монолитная скала.

Под козырьком, в скале, образовавшейся из огромных серых глыб, темнеет дубовая дверь. Эта дверь ведет к узкой каменной лестнице, ведущей в пещеру. От дверей проложена лестница во вторую галерею, из которой в священную гору Дюрк винтообразно уходит галерея из семи пещер.

В десяти-пятнадцати шагах от входа в пещеру Дюрк над пропастью на небольшой площадке стоит величественный кряжистый дуб с обломанными сверху ветками. Эти ветки похожи на изувеченные культы великана. По краю пропасти громоздятся семь валунов, обросшие мхом. Рядом покоятся надмогильные плиты усопших жрецов, священников старцев, старух.

Дуб-великан весь испещрен. Он в рубцах и страшных шрамах, оставшихся от военных, природных катаклизмов. Под громадным стволом дуба с дуплом, зияющим на уровне головы взрослого человека, по верху земли огромными чешуйчатыми удавами расползаются мощные узловатые корни с черными прожилками. На стволе, корнях, огромных ветках-культях с роговидной чешуей зияют раны, из которых сочится кровь. Священный дуб под набежавшим на горку случайным ветром, поднявшимся из прикаспийских степей, временами скрипит металлом, кряхтит, издает глухие стоны. С плеч дуба к небу вилами тянутся три громадные рогатины веток, грубо обломанные сверху, из-за чего дуб смотрится великаном, изуродованным в смертельных побоищах. Со ствола, с его огромных рогатых ветвей чешуйками спадает

черная кора. По искалеченным культям с узловатыми выступами, откуда сочится дурно пахнущая жидкость, огромной белой паутиной разветвляются сухожилия. Они тоже обрываются на концах культей, выцеживая из оторванных кровеносных сосудов кровь с гноем.

На первый взгляд создается впечатление, что дуб отжил свой век, доживает последние дни. Он временами больно скрипит под грузом прожитых лет, ссылая с культей ржавчину металла, вздыхает из последних сил. Если на гиганта посмотреть другими глазами, то выглядит он парадоксально. Местами на дубе проклеваются небольшие побеги, в которых пульсирует жизнь. И в этом году на дубе, хоть поздно, но зашелестит молодая листва.

* * *

На плато, майдане жертвоприношений, на поляне весеннее солнце сожгло все: подлески с пожухлой травой, кустарники, овраги, ущелья... Казалось, выгорело все, где должна была сохраниться влага после бесснежной зимы.

Над ущельями Дюбек-чая, Рубас-чая белесыми пластами висит бесплодный туман. Он под своим искрящимся, вздутым, как бесцветный шар, покрывалом, островками прячет стойбища, разбросанные по холмам, вдоль берегов рек.

На плато Дюрк с самого начала осени не выпадало осадков. Везде свирепствует засуха. От зноя огромными тре-

щинами, чешуйчатými болячками, откуда выступает соль, окрашенная кровью, покрыта земля. На холмах, бугорках островки молодых лесов и кустов превращаются в островки залежей палой хворостины.

На молодые побеги лесов, пробивающиеся почки, другую растительность напали вредители, уничтожая на корню. На кустах, в засохшей траве трещат сверчки, кузнечики; серо-коричневым покрывалом оделись озимые посевы, поля, луга. Дюбек-чай за зиму сильно измельчал. В безветренную погоду он совсем не слышен.

С зубчатого горного хребта на западе открывается широкая долина, по которой к морю Каспиан несет свои оскудевшие воды Рубас. Иногда по ночам, когда в долину реки с гор слетает остывший ветер, гул реки, плеск о подводные камни усиливается, долетая до галереи пещер Дюрк своим живым журчаньем.

Из глубин песков прикаспийской степи на холмы, лесные массивы, карнизами уходящими к Большому Кавказскому хребту, с яростным воем неся ветер с крупными соляной пыли, обжигая случайно попавшуюся на пути растительность. Знойный ветер, перекатываясь на шапках холмов, верхушках лесных массивов, приносит в стойбища табасаран гибель, голод, болезни.

Языки второго потока смертоносного зноя, зарождаясь в тандыре песков, крутятся, несутся на вершину священной горы Дюрк. Здесь зной, совершив свое злодеяние, скреже-

ща в зарослях барбариса, карликового боярышника, несется к молодой дубраве. Оттуда, пройдясь кудрями, осыпанными смертоносной солью солончаков, выносятся в поле, погоняя перед собой клубы перекати-поле, скатывая их на майдан жертвоприношений. Там паломники, пришедшие со всех концов Табаристана, неистово молятся, прося дождя, вместе с главным жрецом делают жертвоприношения верховным богам табасаран. Дальше зной, набирая силу, несется на запад, в сторону Малого Кавказского хребта и выше...

Переполох у священного дуба

По паутинам земли, идущим с долины реки Рубас, к священным пещерам Дюрк непрерывными потоками шли паломники. У всех паломников, даже детей, на спинах были кожаные мешки, где хранили еду, нехитрые пожитки, необходимые в пути. Паломники на веревках, накинутых на рога, пригоняли жертвенных животных. С пыльных троп из-под множества ног над головами паломников поднимались клубы пыли. Знойная пыль рыжей пленкой оседала на лица, ресницы, одежду паломников, назойливо попадала в рот, ноздри.

Когда на майдан жертвоприношений доберется очередная группа паломников, другая группа, находящаяся там третьи сутки, пустится в обратный путь, на свои стойбища. Этому потоку паломников из года в год, из века в век нет конца.

Главный жрец Ашур, принимая паломников, недели проводит в небольшом домике на майдане, в непогожие дни – в одной из пещер Дюрк.

Паломники, прибывающие на зиярат, три дня подряд принимают участие в обряде жертвоприношения своим верховным богам, пророкам. На третий день к утру по тем же извилистым тропам, по которым пришли, цепочкой отправятся обратно. Так проходят годы, столетия, века.

Последнее время паломники на паломничество чаще ста-

ли приходиться с Гудилом, ряженым, днем и ночью у верховных божеств вымаливая дождя. Паломники с Гудилом мольбами обращаются к Ряду, повелителю ветров, погонщику облаков. Делая богатые дары, у верховного бога вымаливают дождя. Паломники с Гудилом, обвешанным костями животных, будут кружиться вокруг главного костра на майдане до тех пор, пока верховный бог не одарит их дождем.

* * *

Перед входом в пещеру Дюрк, локтями упираясь о колени, ладонями обхватив лицо, застыла главная жрица Шахри-Зада. Рядом, возвышаясь до небес, обрубками огромных ветвей-культей, откуда сочится кровавая жидкость, кряхтит стариной искалеченный дуб. Под дубом, у огромных валунов, оцепенели в ожидании влаги ростки боярышника. Чуть в сторонке кудрявыми рыжими головами размахивают молодые ростки кизила. Пожухлые кусты ежевики свои головки, прибитые зноем, укрывают в тени валунов, огромного ствола дуба. На ветках дуба, в редколесье, разбросанном над обрывом, как в середине лета, трещат цикады. Они вносят в сердце главной жрицы разлад, сумятицу, нагоняя на нее дикую тоску, страх за будущее племени. Взгляд ее скользит над пиками священной горы, оттуда переносился на Малый Кавказский хребет. Она с мольбой обращалась к горизонту в ожидании появления грозных облаков. Но, сколько она ни

вымаливала, верховные боги были глухи к ней.

Ее взгляд перешел на холмы, караванами верблюдов уходящие с юга на север. Они терялись за полями, лугами, фруктовыми садами, виноградными плантациями. Там, глубоко, они одним краем тонули в мареве, другим краем терялись за прозрачным настилом, нависшим над Каспийским морем.

Главная жрица со вчерашней ночи находится в плену священного дуба. Она находится в ожидании какого-то чуда, которое могло произойти с ней под воздействием этого гиганта. Вот отчего ее сердце в груди рвалось и металось, голова как-то странно кружилась. Шахри-Заде казалось, что священный дуб с высоты своего гигантского роста, размаха огромных гноящихся ветвей оказывает какое-то магическое воздействие на ее психику.

Из идеально круглого, выточенного до блеска темного дупла дуба веяло странным, пугающим холодом, невыносимой вихревой энергией, парализующей ее волю. Магнитные вихри из дупла, наматывая на свои лопасти ее сознание, туманя его, искрясь, дуновением ветра, неслись по ее щекам. Они, словно пронзая панцирь ее тела, сердце, энергетическими сгустками, просачивались в кровеносные сосуды. Они неслись по капиллярам, достукиваясь до каждого узла, клетки центральной нервной системы, заражая ее мозг, обволакивая его ядовитой паутиной.

Шахри-Зада поежилась, словно кожей спины ощутила

прикосновение чешуи скользящей твари, прячущейся в дупле. Она передернулась, вскочила с места, отряхиваясь от скользящей, как показалось, по спине твари. Пыталась скрюченными пальцами руки судорожно стащить эту мерзкую тварь, сползающую со спины на грудь. Внутри живота тоже что-то неприятно задвигалось, вызывая спазмы. Самые чувствительные части живота, его стенки, эта тварь колола каким-то острым раздвоенным предметом, скреблась об них чешуей.

Губы Шахри-Зада сомкнулись, между трясущимися кроваво-алыми губами осталась невидимая прорезь. Зрачки ее потрясенных глаз, как у кошки, то расширялись, то сужались.

Шахри-Зада не могла понять, что у нее внутри происходит. Она тревожно прислушивалась к своему внутреннему голосу. Ее сознание, мысли хаотично менялись, уносились за реалии действительности. Она неосознанно вскидывала руки к голове, трясущимися пальцами проводила по копне золотисто-персиковых волос, выглядывавших из-под покрывала. Главная жрица похолодела от ощущения мерзкого скольжения тугой длинной твари под туникой по своему телу. Она цепенела от необъяснимых ощущений, вызываемых внутри, холода, распространяющегося по телу. Ей казалось, что эта гибкая холодная тварь через пупок или пониже хочет залезть ей в живот. Она, проскользнув ей на живот, приостановилась, собираясь лечь там, согреваясь. Но нет. Проползла ни-

же живота, в пах, между ног, заползая в матку, протискиваясь в желудок, проползая к сердцу, обвивая его своими тугими кольцами. Ей показалось, что через сосок одной из грудей она выползла на грудь, давая щелчки языком, зажала тугими холодными губами грудь, начавшие наливаться соски, проползая опять на живот, заползая между ног...

* * *

Шахри-Зада сидела, как в трансе, прислушиваясь ко всему, что происходит с ней, вокруг нее. Под впечатлением неопишуемого страха, перемешанного со смутным чувством восторга, ей казалось, что она каплями крови мысленно прощупывает каждый кровеносный сосуд, каждый капилляр, каждую клетку.

Она напряженно прислушивалась к зову могучего сердца дуба, голосам леса, сада, виноградников, погибающих кругом от засухи, писку, издаваемому кустами, растениями, травами, издыхающими от зноя. Она слышала зовы помощи высыхающих родников, ручьев. К ней передавалась боль корней священного дуба, уходящих в земную твердь, но больше не достающих до глубин высыхающей подземной реки. Ее ноздри улавливали запах гнили его ветвей, искореженных ударами молний, нападками других стихий.

Шахри-Зада, холодея, прислушивалась к шорохам в дупле, треску раздраженно скребущихся друг о друга чешуй,

шипению раздвоенного языка. Зрачки ее глаз пораженно расширились, белки наливались кровью. Она задышала трепещущими ноздрями, не чувствуя кислорода, хватаясь за грудь. Трясаясь всем телом, немигающими глазами заглянула в дупло, зияющее в стволе дуба на уровне ее лица. Она с замирающим сердцем ожидала появления чуда из дупла, послания подземного мира в образе каких-то знаков небес. Она не ощущала своих рук, ног, вся трясясь, неосознанно всем существом потянулись к дуплу. Стала почти вплотную перед ним. Страх, пугающий запах, исходящий из его глубины, коснулся ее трепещущих ноздрей, полураскрытых в удивлении губ, щек, зашевелившихся волос на голове. Жрица затряслась телом так, будто внутри у нее просыпалась еще какая-то тварь. Эта тварь зубами вгрызалась в ее плоть, сбивая ритм сердца, дыхание в легких. Смертельный страх веретеном проникал в живот, вращаясь буравчиком, острыми шипами ковырялся в печени.

У Шахри-Зады вдруг остановилось дыхание. Она перестала понимать, что с ней происходит. Она впала в ступор, сознание упорно искало, где она находится, что с ней происходит. Она забыла, спит ли она, или все это с ней происходит наяву. Она своими глазами видела, что по ней ползает какая-то упругая, скользкая, холодная тварь. Вот ее слизистая голова легла у нее на груди. Она страшно открывает пасть, издавая шипение. Шахри-Зада ладонью прикрывает лицо, чтобы она не проникла внутрь через нос или рот. Тогда она

проскальзывает на ее живот, трепещет скользкой, шипящей клыкастой головой на груди. За ней из дупла на плечо ползает ее напарница. Вторая мерзкая тварь очень раздражена. Она тугими кольцами обвивается вокруг ее шеи, душа ее, сжимая своими кольцами, вгрызаясь клыками в ее нежную шею.

* * *

У жрицы так были обострены нервы, она так тонко ощущала мельчайшие изменения вокруг себя, что с закрытыми глазами могла видеть, ощущать все, что находится рядом с ней, под землей, над ней, в небесах. А то, что затаилось в дупле священного дуба, энергетические вихри, образующиеся там, взлетали ввысь и вниз. Это было выше ее сил, ее способностей, ее понимания.

Жрице было известно, что в дупле дуба живут огромные ядовитые храмовые змеи: самец с самкой. Змеи веками жили, размножались там, оберегая покой священной пещеры Дюрк, его Родового огня, главной жрицы. Змеинная пара завораживала главную жрицу, выползая упругими телами из дупла, заползая обратно. Они пленяли ее, туманили ее сознание, шипя, скользя, проникая под тунику, мерзкими телами приликая к ее телу.

Самец, шипя, скрежеща чешуей, выполз из дупла, пробуя воздух раздвоенным языком. Растягиваясь, свою мерз-

кую голову положил ей на плечо. Скользя струей темной воды, радугой переливающейся на солнце, проползал, обвиваясь вокруг плеч, шеи. Голову положил на выпуклости груди, припадая губами к ее соску.

За самцом из дупла, нервно шипя, упругой темной лентой выскользнула самка. Она, пробуя воздух раздвоенным языком, нависла над головой главной жрицы, угрожая ей, готовая напасть, ужалить.

Шахри-Зада потеряла ориентир, место нахождения, временные границы. Ей казалось, что все, что происходит с ней, она видит во сне, в то же время ядовитых тварей реально ощущает на себе, внутри себя, внутри своего сознания. Ей показалось, что в животе у нее что-то треснуло. Она видела, как свирепая самка грозно нависает над ее головой, готовая ядоносными клыками ужалить в грудь. Она видела, как змея заползла в нее. Ощущала, как змея прокусывает диафрагму, отделяющую грудную полость от брюшной.

За самкой к ней на грудь заполз и самец. Шахри-Зада одной рукой ухватила за гибкое тело самца, стаскивая с груди. А другой рукой самку, держа за хвост, вытаскивала из своего живота. Но самец, чувствуя тепло живого тела, пытался еще сильнее обвиться вокруг ее груди. А самка все дальше заползала в нее, проникая в легкие.

Шахри-Зада, не осознавая себя, кричала, звала на помощь. Ей становилось больно, но боль заглушало ощущением возбужденности. В ней просыпалась недюжинная энер-

гия.

Ловким движением руки ухватила за шею самца, сдержала с себя, отбросила в сторону. Так же ловко ухватила за голову самки, выдернула из себя, бросила под ствол дуба.

Змеи, шипя, петляя, уползли обратно в дупло.

* * *

Страх, парализующий ее волю, стал ослабевать. Внутри лед треснул, подтаивая ручьями. Шахри-Зада, начиная с низа живота, стала разогреваться. Внутри согрелась кровь, она закипела в сердце, бурно протекая по кровеносным сосудам. Ощутила жар в руках, ногах. В животе все кипело, клокотало. Она засомневалась, не вспыхнет ли он пожаром.

Жрица с плеч стряхнула покрывало, на груди распутала тесемки бешмета. Взгляд глаз, наливающих кровью, стал страстным, они засияли. Бело-бархатная кожа лица разгладилась, порозовела, щеки горели. На лбу заискрились жемчужины пота. Ноздри красивого носа затрепетали. На лебединой шее, под гладкой матовой кожей, запульсировали кровеносные сосуды. Шахри-Зада, разогреваясь, сгорая от внутреннего жара, легла на землю, прикрывая веки. Она через нос шумно, глубоко дышала, высоко приподнимая грудь. Руками вцепилась в бешмет, стаскивая с себя, сдирая с груди льняную тунику, словно они вдруг ей стали меньше и в них стала задыхаться. Шахри-Зада стала меняться. Ее глаза, си-

яющие огнем, стали округляться.

На месте белков стали образовываться темные немигающие зрачки, щелочки которых встали вертикально. Кожа на теле стала с треском лопаться. Тело невообразимо видоизменялось. Из рта высунулся окровавленный язык, который стал чернеть, раздваиваться, удлиняться. Рот судорожно открывался и закрывался, зубы заострялись. Она зашипела, растягиваясь, становясь гибкой, упругой, как змея. Чешуей покрывались руки, ноги, притороченные к гибкому телу. Шахри-Зада наполовину обернулась змеей. Она, призывно шипя, стала подползать к дуплу. В дупле дуба отозвались храмовые змеи, шипя, скрежеща гибкими телами, покрытыми чешуей, о стенки дупла. За стенкой дупла самка, чувствуя в лице оборачивающейся жрицы, угрозу крепости своей семье, стала готовиться к нападению.

Шахри-Зада, оборачиваясь змеей, чувствуя настроение самки в дупле, не думала отступить. Главная жрица, собираясь кольцами в огромный клубок, прошептала магическое заклинание. Неожиданно ее окутал белесый туман. Когда туман растворился, на том месте опять стояла Шахри-Зада.

А самка в дупле не успокаивалась. Она, раздраженная присутствием человека-змеи, шипя, высывая голову из дупла, делала угрожающие выпады.

Шахри-Зада, заряженная энергией священного дуба, ощущая свою защищенность, становилась выше опасности, исходящей из дупла, выше ярости самки, находящейся за его

стенкой.

Жрица из сумки, перекинутой через плечо, вынула дудку, подула в нее. Змея перестала шипеть. Неожиданно из логова показалась голова змея с зигзагообразной спиралью на спине. Он, плавно раскачиваясь, завис на уровне ее лица. За ним показалась голова раздраженной напарницы.

Змеиная пара на мгновение, плавно раскачиваясь под музыку, петляя кольцами, зависла перед ее лицом. Самка злобно шипела, треща раздвоенными языками. Ее напарник, извиваясь, пробуя воздух языком, проскользнул на ее плечо. Змей губами, с клыков которого стекали капли яда, коснулся ее волос на голове, лба, губ, трепещущих ноздрей носа, словно вдыхая в себя ее аромат. Он, скрежеща чешуей, обвился вокруг ее плеч, завис на груди, отталкивая своим телом напарницу.

За самцом, грозно шипя, из логова высунулась и напарница. Она, раздраженная, извиваясь кольцами, собиралась напасть на соперницу, ужалить. Судя по тому, как сильно самка раздражена, она жаждала крови.

Смерть глядела в глаза жрицы. Если бы не самец, который, шипя, угрожая клыками, обвиваясь петлями, хватая за шею, оттаскивал напарницу, жрица бы, корчась в страшных муках, лежала под дубом. Мудрый змей не давал напарнице жалить хранительницу священного огня, у которой по ночам грелись, из миски, стоящей у очага, лакали молоко. Самка все не успокаивалась, извиваясь кольцами, ускользала от на-

парника, делая агрессивные выпады на главную жрицу. С ее ядоносных клыков стекал яд.

Судя по агрессивному поведению самки, смертельный исход для главной жрицы был неизбежен. В любое мгновение она, ужаленная свирепой гадюкой, может лежать, корчась от болей, под дуплом.

Перед угрозой смерти главная жрица, находящаяся в трансе, каким-то образом не теряла хладнокровия. Ее не пугали ни грозное шипение, ни смертельные атаки самки, ревниво защищающей своего партнера от искусительницы.

Самец, чувствуя, что напарница может напасть на их кормилицу, что ему не утихомирить ее, зубами резко ухватился за шею, затаскивая ее в дупло. Свирепая гадюка сдалась, перестала шипеть, ускользая в дупло.

Через какое-то время змеи, успокоенные, приползли обратно. Самец, обвиваясь кольцами, лег на одно плечо жрицы. Самка, извиваясь, струясь водой, проползла на другое ее плечо. Она успокоено зависла на ее груди.

Главная жрица, чувствуя защитника в лице самца, заряжаемая энергией священного дуба, становилась уверенней.

* * *

Теперь не змеи главной жрицей, а главная жрица манипулировала змеями, заговаривая их, играя на дудке. Трели дудки сочетались с магическим пением, мягкими ударами

пальцев о бубен, висящий на ее боку. Змеи, заколдованные жрицей, гибко извивались, сияли всеми красками радуги в лучах солнца. Они плавно скользили по ней, шипя, заглядывая в ее искрящиеся фосфорическим светом глаза.

Жрица, заговаривая змей, перенеслась в другое измерение. Плыла по миру других энергий, вихрей света, гармонии музыки с природой. Ее взгляд, мысли были устремлены за пределы священной пещеры. Она сама, ее руки вместе с парой змей извивались тугими узлами. Она через нос издавала шипение, успокаивающее змей. Самозабвенно играя на бубне, чередуя его звуки с еле слышным песнопением, вводила себя в состояние транса.

Она рукой мягко прошлась по бубну. От этого мелко затряслись головы змей, в ритме биения бубна колыхались их гибкие тела. Шахри-Зада сама в такт биения бубна приподнималась, задвигалась, тряслась всем телом.

Так красиво смотрелись змеи, извивающиеся в ритме музыки! Так они в трансе танца грациозно раскачивали изящными головами! Так ярко сверкали их глаза! Так магически трещали они раздвоенными языками! Так прекрасна была в это мгновение главная жрица Шахри-Зада!

Царица Семирамида

Семирамида – величественная царица империи Ассирии. Ассирия, особенно в годы правления супруга Семирамиды, в годы ее правления приобрела всемирную известность. Она стала величайшей империей мира, встав на передовые позиции своими завоеваниями, богатствами, величественными городами, крепостями. Города империи утопают в висячих садах. На весь мир стали известны города империи. Через реки, протекающие в них, перекинуты сотни и тысячи мостов, поражая купцов всего Востока своей красотой, своим величием, своей архитектурой.

Слава правительницы Семирамиды распространилась далеко за пределы Востока. Она прославилась не только как умная правительница, умелый главнокомандующий, но и как самая красивая, властолюбивая, жестокая, мстительная женщина.

От мести царицы Семирамиды в первые же дни ее правления из страны сбежали самые именитые генералы, государственные служащие, купцы. В Дагестан еле унес ноги и начальник царской стражи Адад с семьей.

Ассирийское царство, до расширения своих границ до имперских, располагалось в верхнем течении реки Тигр. Оно протянулось от нижнего течения Малого Заба на юге до гор Заграс на северо-западе. Эпохи существования Ассирии, ас-

сирийской империи условно делят на три периода:

- староассирийский период – XX–XVI в. до н. э.;
- среднеассирийский период – XV–XI в. до н. э.;
- новоассирийский период – X–VII в. до н. э.

В разные эпохи своего существования под протекторатом империи находились такие современные государства, как Иран, Ирак, Иордания, Израиль, Палестина, Турция, Сирия, Кипр, Египет...

Ассирия в своем становлении, процветании уходит в глубокую древность. Она имеет глубочайшие корни, величественную культуру, историческое наследие, к которым бережно относилась на протяжении долгих веков. Несмотря на то что империя Ассирия пала в 612 году до нашей эры, народ продолжал существовать, развиваться. Каждый ассирийский царь в период своего правления прилагал руку к ее возрождению. Кто из царей строил свою столицу с самого основания со своими дворцами, храмами, висящими садами. Кто перенимал столицу от другого царя, потом ее обустроивал по своей воле и хотению. Главной столицей, сердцем Ассирии в период ее расцвета считался город Ашшур, построенный в честь верховного бога. Почти все города-столицы Ассирии расположены между величественными реками Тигр и Евфрат. Власть империи распространялась и на территории Месопотамии.

Культура Ассирии родилась, функционировала тогда, когда цивилизация многих других стран Европы и Азии в сво-

ем развитии находилась еще у истоков. В Ассирии с глубокой древности воздвигали, благоустраивали города. Наблюдался подъем древневосточного государства, вызванный внедрением в производство бронзы, железа, интенсивным развитием сухопутной, морской торговли. Купцы с соседями торговали золотом, драгоценными камнями, пряностями, «живым товаром».

Ассирия во имя верховного бога Ашшур вела бесконечные войны с соседними странами. Ни одна страна в Западной Азии, на всем Востоке не вела столько кровопролитных войн, не уделяла столько внимания развитию военного дела, как Ассирия, история которой состоит из непрерывных военных столкновений.

Естественно, такой выбор развития страны создал в ассирийцах большую воинственность, безразличие к жизни и смерти. Цари, воины, закалившиеся в бесконечных военных сражениях, охоте на львов, диких быков, обладали всеми моральными и физическими данными для войны.

Ни один народ на Востоке не мог сравниться с воинами-ассирийцами в мужестве, смелости, принятии молниеносных решений. Одно упоминание воинов древней Ассирии в соседних государствах вызывало ужас и трепет. Ни один народ мира не возводил до такой степени в культ грубую силу и страстное стремление к военным занятиям, любовь к грабежам, к разрушениям, опустошениям, как это делали ассирийцы.

На их языке имя божества Ашшур означало нечто, навещающее ужас, трепет на окружающих. Ассирия была первой в истории универсальной монархией, покоившейся на военном начале и претендующей на мировое господство.

В конце девятого века до нашей эры на престол царя Ассирии села Семирамида (Семирамис, Шамирам, Шаммурамат).

Семирамида обладала богатейшими знаниями истории, военного искусства. О ее успехах в воинском деле, градостроительстве, политике, создании прекрасных висячих садов, одного из чудес Древнего Мира, по всему Востоку ходили легенды.

На пике ее правления царицу Семирамиду стали почитать как богиню.

О царице Семирамиде интересные истории рассказывают в отдаленных друг от друга странах – в мусульманском Ираке и православной Армении. Это говорит о том, что ее почитали и за пределами империи. Во многих городах, покоренных странах царицу Семирамиду называют дочерью богини. Царица Семирамида напрямую связана с великой богиней Ашторет-Астартой.

В Ираке Семирамиду почитают как Мать Бога. Она со дня рождения до восхождения на престол и в годы правления прошла величественный путь. В чем-то ее история похожа на древней миф о рождении солнечного Бога, на историю Исида, богини магии, плодородия, ветра, воды Египта.

Во время царствования Семирамида – царица Шаммурамат, жена Шамшиадада V – занимала необычайное для ассирийской царицы место.

Семирамида – единственная царица в многовековой истории Ассирии, правившая самостоятельно. В период ее правления происходили частые войны с мидянами и народами севера.

Семирамида была дочерью богини-рыбы Деркетто из Аскалона и смертного мужчины. Богиня Деркетто покинула девочку сразу после ее рождения. Она ушла в прошлое, как древние боги. Богиня Деркетто сквозь воды ушла в обитель древних хтонических божеств, уступив место новым божествам, светлым, солярным...

Новорожденную Семирамиду кормили голуби, пока она не была найдена и воспитана в семье Симмаса, царского пастуха.

Царица Семирамида, как и ее супруг Нин, в годы правления за собой оставила яркий след. Ассирией с древних времен правили цари. Не многие из них после себя для потомства оставляли яркое наследие. Так было до тех пор, пока на небосклоне не зажглась звезда славного воина, царя Ассирии Нина. Царь Нин покорил Вавилон, Армению, Мидию. Он также захватил все земли вокруг Черного и Каспийского морей, включая Скифию, Персию, Аравию. За семнадцать лет победоносных походов царь Нин стал владыкой всех стран, расположенных между Средиземным морем и Индией. На

пике своей славы построил великолепную столицу и назвал ее Ниневией.

Царю Нину служил воинственный князь Сирии Оанис. Он женился на дочери сирийской богини Деркото – красавице Семирамиде, которая выросла в каменистой пустыне недалеко от Асколона. Когда супруг собрался в военный поход, Семирамида последовала за ним. Переодевшись в одежду простого воина, Семирамида помогла мужу штурмом взять крепость. Со стен крепости Бактра Семирамида известила о своей победе царя Нина.

Нин, покоренный умом, красотой, отвагой Семирамиды при штурме Бактры, не тратя времени, тут же решил жениться на ней, сделать ее царицей. А Оанису в качестве новой жены предложил свою дочь Сузану. Оанис наотрез отказался. Тогда Нин пригрозил Оанису выколоть глаза. Генерал в отчаянии согласился отдать свою жену царю Нину. Но, не выдержав горя, через несколько дней наложил на себя руки.

У царя Нина был сын Ниниас, рожденный до Семирамиды, от первой жены.

Нин, находясь в преклонном возрасте, свою супругу ревновал каждый раз, когда на Семирамиду падал взор чужого мужчины. Он в ревности дошел до того, что приказал ей постоянно носить вуаль, разрешив открывать лицо только перед евнухами. «В Ассирии все женщины прекрасны, – говорил царь Нин, – но рядом с царицей Семирамидой даже самая прекрасная из них – все равно, что жемчуг перед

бриллиантом. Увидеть ее открытое лицо – значит навсегда стать ее рабом». Нин приказал замуровать заживо любого, кто осмелится взглянуть на царицу, когда она находилась без вуали.

Вскоре царице Семирамиде надоела тирания мужа. И она решила, что лучше избавиться от деспотичного царя и самой править Ассирией. С помощью многочисленных сторонников при дворе ей удалось воплотить в жизнь задуманный план.

Она упросила супруга всего на пять дней дать ей полную власть над страной, якобы для того, чтобы продемонстрировать свои способности к управлению империей. Царица из рук царя получила жезл и меч. Она надела на себя царское одеяние – длинную, украшенную драгоценными камнями, тунику, обернулась в мантию, вышитую золотыми нитями.

Стала править империей.

Сначала ее приказы сановникам царя казались безобидными, не вызывающими подозрений. Коварная обольстительница решила до конца проверять стойкость, преданность чиновников, слуг, евнухов царя. Царица удостоверилась, что они служат ей верно, беспрекословно выполняют все ее указы. Тогда, вынашивая в сердце коварный план, устроила большое пиршество, на котором на свою сторону склонила военачальников, всех сановников. На второй день правления она повелела народу, благородным сановникам воздать ей царские почести. А своего супруга бросила в темницу.

Приближался праздник Нового года, традиционно отмечаемый в Ассирии употреблением спиртных напитков, всевозможных наркотических средств. Во время празднования в жертву приносился старый баран, которого под воздействием наркотических средств плохо соображающая толпа терзала на куски. Взамен убитого старого барана публике представлялся молодой ягненок, символизирующий начало Нового года. Этого ягненка тоже усиленно кормили весь следующий год, чтобы, в свою очередь, принести в жертву.

Новый год встречали и с приходом царицы Семирамиды. Новый год отмечали ярко, за одним исключением – в жертву толпе вместо барана принесли пожилого царя Нина.

А его сына Ниниаса, как потребовала Семирамида, объявили новым царем. Нин погиб ужасной смертью, а Семирамида стала править регентшей при малолетнем пасынке, не допустив его к реальному правлению империей.

Единоличное правление женщины в то время в Ассирии не поощрялось. «Ни одна женщина не сможет править сыновьями Ассирии!» – народ огромной империи стал роптать. У Семирамиды появились противники и среди военачальников, и среди всемогущих жрецов. Народные волнения вынудили Семирамиду приступить к строительству хорошо укрепленного города, Вавилона, защищенного от нападений

множеством башен, стен, рвов.

Семирамида в процессе строительства города задействовала свой предприимчивый ум, незаурядные организаторские способности. Она на строительство города созвала более двух миллионов рабочих со всей империи. Периметр стен составлял 66 километров, а ширина их была такова, что по ним могли проехать в ряд шесть повозок, запряженных лошадьми. Город защищали 250 башен, а реку Евфрат, протекавшую по городу, пересекали 900 мостов. Прекрасные набережные города растянулись на 30 километров. На обоих концах каждого моста также были построены небольшие крепости, связанные подземными ходами с дворцом царицы.

Так царица воздвигала город Вавилон, окруженный гигантскими крепостными стенами, башнями, храмами, великолепными мостами через Евфрат, висячими садами.

По приказу царицы Семирамиды в горе Оронт был прорыт туннель, чтобы проложить дорогу в Мидию. Там она построила столицу Экбатану с роскошными царскими дворцами, куда воду подавали по туннелю из горных озер.

Недалеко от древнего города Бегистан находилась большая скала. Семирамида приказала обтесать ее лицевую сторону, чтобы покрыть своим изображением и изображениями ста своих телохранителей.

С именем Семирамиды связаны прекрасные зеленые висячие сады Вавилона, которые причисляют к семи чудесам света. Царица возвеличила свое имя созданием искусствен-

ных плотин, которые удерживали Евфрат. Царицу Семирамиду упоминают как строителя величайших ворот Вавилона. Практически каждое выдающееся сооружение или памятник античности на реке Евфрат или в Иране, включая даже Бехистунскую надпись Дария, принадлежат ей.

Названия многих городов в Ассирии, Месопотамии и Мидее происходят от ее имени, слегка изменившись лишь в Средние Века. Ассирийцы именем Семирамиды называли своих детей.

* * *

Военные успехи Семирамиды затмили походы ее талантливого супруга Нина. Она покорила Египет, Эфиопию, Ливию. Воевала долго, кровопролитно. Устав от войны, Семирамида на некоторое время решила поселиться в Бактре. Там методично вела приготовления к новому походу – в Индию. Приготовления к войне с Индией заняли несколько лет. Семирамида собрала невиданную по тем временам армию, снабдив ее самым современным вооружением.

Но поход в Индию закончился неудачно. Легкие колесницы, запряженные лошадьми, оказались бессильны против огромных свирепых слонов индийского царя. Слоны, раненные стрелами, оглушенные шумом битвы, растоптали слабых по сравнению с ними лошадей и колесницы. Сама Семирамида чуть не рассталась с жизнью. Она была ранена

стрелами в руку и спину. Чуть не попала в плен. Ей удалось сбежать, переплыв широчайшую реку Инд с мечом за поясом. Этим мечом она разрубила канаты подвесного моста, по которому враги собирались ее преследовать. Индийцы не осмелились, подобно царице Семирамиде, переплыть великую реку.

Царица Семирамида проиграла поход в Индию. Но она своими другими военными успехами затмила походы всех своих предшественников. За годы своего правления она пронеслась по соседним странам, покоряя их огнем и мечом, оставляя за собой захваченные города, казненных людей, пожарища.

Обладая ярким умом, блестящими организаторскими способностями, царица Семирамида в военном деле часто применяла стратегию, которую переняла от бога Ашшурнасирапала.

Стратегия Ашшурнасирапала заключалась во внезапности нападения, нанесении молниеносного удара, создании опорных пунктов на присоединенных территориях. В покоренных странах царица Семирамида в качестве правитель ставила своих сторонников. Любая попытка мятежа или сопротивления подавлялась беспощадно. Население города или любого населенного пункта истребляли, а территорию подвергали полному опустошению. Победенных в сражении врагов царица, как правило, в плен не брала. Но добровольно сдавшимся в плен жителям покоренных стран, во-

инам, покорно сложившим оружие, особенно ремесленникам, строителям, кузнецам сохраняли жизнь. Их переселяли в Ассирию, тысячами расселяли по империи. Воинов, сдавшихся без боя, царица облагала данью. Мирных жителей оставляли под властью прежних правителей, если царица им доверяла. Либо они передавались под власть ассирийских чиновников.

Как правило, большинство завоеванных ассирийцами территорий за несколько дней превращали в пепелища. Города, поселения разрушали до основания, сады вырубали, каналы с водой засыпали. Воинов, оказавших сопротивление, поголовно истребляли, молодых и красивых женщин, девиц, девочек, мальчиков гнали на невольничьи рынки.

Царица к воинским дружинам, жителям городов, которые оказывали ожесточенное сопротивление, применяла методы геноцида. Сжигала живьем, сажала на кол, сооружала пирамиды из связанных пленников, обреченных таким образом на медленную смерть. Ассирийцы рассчитывали, что ужас, внушаемый такими расправами, напугает жителей соседних стран. Сырье, товары, металл, скот покоренных стран переправляли в Ассирию.

Агенты царицы Семирамиды доносили ей обо всем, что удавалось подслушать на улицах, базарах Вавилона, Ашшур-ра, Ниневии, Ниппура, Элама, Иерусалима, Дамаска. Таким образом царскому двору становилось известно о малейших проявлениях недовольства среди покоренных народов дей-

ствиями ассирийской знати, офицеров. Любое недовольство жителей покоренных стран фиксировалось, тут же доносилось царице. Тотальный шпионаж был направлен на сохранение царствующего дома, который вовлекал в шпионскую сеть все большее количество людей.

Страх перед заговорами и мятежами вызывал крайне жестокие карательные акции царицы Семирамиды. Чтобы свести к минимуму опасность возникновения волнений, население завоеванных стран подвергалось переселению в дальние страны. Массовая депортация признавалась одним из самых надежных средств удушения покоренных народов.

Религия Ассирии, заимствованная у вавилонян, отличалась от их религии лишь наличием верховного бога Ашшура (который не признавался в Вавилоне). Она отличалась также «военизированным» характером всех остальных богов (Иштар, Адада, Нергала), требовавших строгого повиновения.

Как царь богов Ашшур в ассирийском пантеоне стоит особняком над всеми другими богами. В нем олицетворяется целостность, единство ассирийского государства. Ашшур – это отец, покровитель всей ассирийской земли.

Верховный бог Ашшур отличался крайней кровожадностью. С его именем на устах ассирийские цари отправлялись в походы. Для увеличения его могущества завоевывали новые земли. Чтобы преумножить его богатства, повсеместно с гражданского населения собирали подати. Жестокие каз-

ни, которым подвергали бунтовщиков, в понимании ассирийских царей были законным возмездием за мятеж против их верховного бога.

Цари, стоящие во главе ассирийской империи, имели неограниченную власть. Но на практике эта власть зависела от соотношения сил влиятельных группировок знати. Понимая это, цари старались не допускать возникновения могущественных родов, кланов. С целью укрощения таких родов цари применяли практику назначения на важнейшие посты евнухов. Вначале оскоплению подвергали преступников и их ближайших родственников. Потом оскопление в Ассирии стало каким-то культом верховной знати.

Главной обязанностью царя Ассирии являлось ведение войны, управление армией. А главной обязанностью подданных – поголовное несение военной службы под предводительством царя.

Каждый ассириянин прежде всего был солдатом. Ассириянин считал военную службу царю почетной обязанностью. Воин дорожил своей службой. Он с рвением погружался в военную службу, видя в ней смысл, свое благополучие.

Царица Семирамида, как и ее предшественники, в подвластном народе видела полк, а в отечестве – казарму. Ассирияне являлись наиболее продвинутыми среди народов Западной Азии. Они обладали великолепными военными качествами: физической силой, ловкостью, мужеством, хладнокровием, полным равнодушием к смерти вследствие при-

вычки на каждом шагу умирать. Офицеры ассирийской армии в большинстве случаев принадлежали к высшей аристократии или к дворянству, находящемуся на службе царице.

Офицеры армии имели возможность повлиять на ход государственной машины. Кандидаты на офицерское звание к военной службе подготавливались тщательным образом: бег, борьба, стрельба из лука, метание копий и пращи, действия секирой, езда на колеснице и верхом и т. д.

Война, пленение, самые изощренные пытки и издевательства над побежденными врагами в Ассирии считались нормальным явлением. Сдирание кожи с живых людей, выкалывание глаз, продевание канатов через просверленные губы считались испытанным способом расправы и запугивания покоренных народов.

За период с 883 по 876 г. до Р.Х. на землях, которые отошли к Ассирии, ее войсками было физически истреблено или обращено в рабство не менее трети взрослого мужского населения. К женщинам применялись те же меры физической расправы, что и к мужчинам. Маленьких детей в плен не брали, а убивали на месте. Некоторые башни столицы были покрыты кожей, содранной с врагов ассирийскими воинами. Даже страшный запах, исходящий от разлагающейся кожи, содранной с живых пленных, не заставлял ассирийцев отказаться от подобной демонстрации своей жестокой силы.

С первых же дней царствования Семирамиды в царском дворе евнух стал занимать особое место. Повсюду стали видны их безбородые, ожиревшие, одутловатые лица. Они в тени царицы становились ее шептунами, телохранителями, оруженосцами. Евнухи держали зонтик над ее головой или обведали ее опахалами. Только евнухи имели право подавать царице золотой кубок с напитком. Евнухи при Семирамиде становились камергерами, кравчими, жезлоносцами. Евнухи начали занимать высокие придворные должности.

Евнухи служили не только при дворе. Евнухи стали занимать высшие государственные должности: они становились писцами при царском дворе. Некоторые из евнухов занимали высокие должности военачальников.

Следует отметить то влияние, которое оказывали на царицу эти ущербные (в физическом и нравственном плане) люди. Они ежедневно в царских покоях плели интриги, тихим шепотом убаюкивали царственных особ.

Интриги, преследования придворных, государственных служащих приобрели особую черту, когда сын Ниний, сговорившись с частью военной верхушки и жрецов, решил отстранить царицу Семирамиду от престола. Не получилось.

Семирамида на второй день после пришествия на престол во все уголки империи направила глашатаев с табличками с нацарапанными на них воззваниями: «Я великая царица, царица всей Вселенной, царица Ассирии. Правительница Вавилона, царица Шумера и Аккада, царица Кардуниаша... Я царица царей... Я могуча. Я всесильна. Я отважна. Я страшна. Я почтенна. Я не знаю равных себе среди всех царей... Кто из государственных служащих, военачальников поверженного Нина не покорится мне, не преклонит голову предо мной, будет жестоко наказан!.. Такова воля вашей царицы, царицы Вселенной Семирамиды».

Царица Семирамида в Ниневии, Ашшуре, Эккалатуме, Арбеле, других крупных городах военачальников, государственных сановников, на которых Нин имел сильное влияние, стала сильно притеснять, сажать в зинданы, массово казнить.

По указанию царицы повсеместно, на площадях и дорогах устанавливали эшафоты, вешали сотни и тысячи офицеров и солдат, верных Нину, не присягнувших ей. А наиболее приближенных к царю военачальников запирали в темницы с целью в «триумфальный день» публично унижить, казнить перед храмом Ашшур.

Царица у ворот столицы Ниневии, Ашшура, Арбела в на-

зидание остальным поданным устроила страшное зрелище. В деревянные клетки скидывала полуголых, грязных, рас-трепанных, лишенных всех почестей царей, военачальников. Все они, высшие чины в армии царя Нина, теперь ждали расправы или милости величественной царицы Семирамиды.

По указанию царицы Семирамиды одних публично оскопили как евнухов, других впрягли в ее колесницу, направляющуюся в храм верховного бога Ашшура на празднование победы.

Царица над наиболее одиозными военачальниками Нина, сановниками, видными офицерами на площадях городов и храмов собиралась устроить показательные судилища.

Судебная процедура того времени была кратка. А сами законы отличались исключительной жестокостью, предусматривая казни и пытки, чтобы добиться признания у обвиняемых. Одних преступников обезглавливали, других сажали на кол, с третьих сдирали кожу, выкалывали глаза, отрубали руки. А трупы казненных офицеров выбрасывали на съедение диким животным.

* * *

Генерал Адад возглавлял личную охрану царя Ассирии Нина. Семирамида, зная о преданности генерала Нину, стражников, верных ей, в первую очередь отправила арестовать его. Но генерала Адада с дочерьми Шахри-Задой и Ха-

вой чудом спас его друг Абрам, крупный работорговец. Он их спрятал за городом, в песках оазиса, в одном из своих домов-крепостей.

Генерал Адад, служа царю, не раз оказывался на грани жизни и смерти, не раз приходилось сталкиваться со смертью. Так случилось с ним и при захвате царицей Семирамидой царского престола.

Говорят «долг платежом красен». Однажды генерал Адад спас Абрама от казни царя Нина, а его трех дочерей – от торгов с невольничьего рынка. Теперь Абрам, рискуя жизнью, генералу Ададу воздал свой долг.

Абрам, хотя и являлся работорговцем, но в жизни ему приходилось сталкиваться со многими трудностями, даже со смертью. Каждый раз, рискуя жизнью, выходил сам, спасал друзей из опасной ситуации. Он занимался тем, что на невольничьих рынках Востока, Кавказа, Крыма, древнего Дербента покупал, продавал рабов, невольниц. Невольниц он поставлял в гаремы персидских шахов, турецких султанов, продавал на многих невольничьих рынках Востока.

На второй день после заточения Семирамидой своего супруга Нина в темницу Абрам с тремя десятками охранников прибыл в столицу Ашшур. На невольничий рынок Ашшура со всего Востока за «живым товаром» прибывали работорговцы.

Царица Семирамида на невольничьи рынки собиралась выставлять сотни и тысячи своих пленников. В столицу Ас-

сирии на невольничий рынок с Африки, Кавказа, Крыма по сухопутному, морскому пути привозили огромное количество иноземных невольниц, рабынь.

Абрам с торгов в Ашшуре собирался снимать хорошую выручку. Он собирался по дешевке приобрести сотни, тысячи рабов, невольниц, продать их на других на рынках Востока и Запада за пяти-десятикратную цену.

В тот день Абрам стал и случайным свидетелем страшно-го зрелища – казни множества верноподданных царя Нина перед святилищем верховного бога Ашшура.

* * *

Абрам в городе от неизвестного лица получил сигнал о беде, нависшей над головой генерала Адада и его семьей. Невольничий рынок располагался недалеко от дома генерала Адада. Абрам со своей стражей окольными путями поспешил на помощь генералу. И вовремя.

Абрам решил не рисковать. Предполагая, что за домом генерала шпионы царицы могут установить слежку, двух стражников отправил на разведку. Сам с остальными стражниками засел за оградой сада генерала. Разведчики заметили стражников царицы Семирамиды, ведущих наблюдение за домом генерала Адада.

Абрам со своими стражниками, долго не раздумывая, напал на стражу царицы. Стражу без шума перебили. Генерал

с дочерьюми, не мешкая, сели на лошадей поверженных стражей царицы и окольными путями выехали за город. Абрам генерала с дочерьюми увел в пески, в свою крепость.

Генералу с семьей надо было спешно покинуть Ассирию. Царица Семирамида была умна, коварна, мстительна. Она не успокоится, пока не казнит генерала, а его дочерей не продаст в рабство.

Генералу надо было торопиться с отъездом. Адад в крепости с дочерьюми оставил небольшой отряд стражников, а сам с Абрамом верхом в сопровождении основной части стражников отправился в Арбелу. Там надо было договориться с погонщиками верблюдов, чтобы они помогли генералу с дочерьюми выбраться из страны.

Договорились. Погонщики друзей Абрама с рабами увезут после «дня триумфа» из Ашшура в Арбелу. Для конспирации генерал с дочерьюми переоденутся в одежду невольников. На их руки, ноги, чтобы не выделялись, наденут цепи. Из Арбелы с другим караваном верблюдов отправятся к морю Каспиан. А там на судах Абрама вместе с невольниками их переправят в Дербент, к Магди, дяде генерала, известному на весь Восток торговцу.

Из Дербента, если генерал почувствует погоню тайных стражей царицы, тайными тропами отправят в Табаристан. В Табаристане в священной пещере Дюрк главным жрецом служит дядя Ашур, а главной жрицей его супруга. Там они будут в совершенной безопасности.

Адад с Абрамом, довольные удачно складывающимися обстоятельствами, возвратились в крепость. А крепость Абрама они нашли разграбленной, а дочерей генерала похищенными. По сбивчивому рассказу дочери служанки, успевшей спрятаться во дворе, под арбой, они поняли, что на крепость напали стражники из личной охраны царицы Семирамиды. Крепость они разграбили, стражников перебили, а дочерей генерала, служанок и рабынь хозяина увели с собой.

Дочка служанки Абрама, вся трясась со страху, сообщила генералу и другую горькую весть. В то же время стражники царицы напали и на дом Арабелы, его невесты. Арабелу тоже взяли в плен.

Жемчужина Ассирии

В «день триумфа», по слухам, которые распространялись по городу, на аукцион за баснословную цену выставят сотни красивейших молодых женщин, девиц, плененных царицей Ассирии. Среди пленниц находились Арабела, Шахри-Зада, Хава. Они слыли самыми красивыми девушками Востока. Они своим умом, образованностью прославились далеко за пределами Западной Азии.

Арабелу в Ассирии называли темным бриллиантом, Шахри-Заду и Хаву – светлыми бриллиантами Ассирии. Темноволосая Арабела со жгучестью огромных черных глаз, Шахри-Зада, Хава своим небесно-голубым цветом глаз, золотисто-персиковым цветом волос считались красивейшими и редчайшими созданиями Востока.

Генерал Адад – человек очень смелый, решительный, загнанный в угол, хаотично искал пути вызволения невесты и дочерей из плена коварной царицы Семирамиды. Раз она так хитро и жестоко расправилась с могущественным супругом, царем Нином, что ей стоит справиться с генералом, начальником его стражи! Адад, чтобы вызволить невесту и дочерей из плена царицы, готов отдать жизнь.

Царица Семирамида пленниц может и не выставлять на аукцион. За баснословный выкуп тайными путями она их отправит в гаремы турецкого султана, персидского шаха, ин-

дийского махараджи. По имеющейся у нее информации, они за них готовы отдать много золота и драгоценных камней. Чтобы выкупить хотя бы одну дочку, Ададу не хватит всех имеющихся у него богатств вместе с недвижимостью и караванами верблюдов. А позорного выставления невесты и дочерей на аукцион он не выдержит.

И тут генералу на помощь пришел друг Абрам с его египетскими рабовладельцами, друзьями-купцами. Они разработали свой план вызволения невесты и дочерей генерала из плена царицы Семирамиды. С планом, по известным только им причинам, решили пока с генералом не делиться. Они генерала немного ввели в курс дела, что через подставных рабовладельцев и подставных игроков собираются выиграть аукцион. Если аукцион не выиграют, тогда, собрав тысячи своих стражей, нападут на дом, где держат невольниц.

Перед «днем триумфа» по невольничьему рынку пошли слухи, что за Арабелу, Шахри-Заду и Хаву Крымский хан организатору аукциона обещал заплатить три чувала золота и три редчайших бриллианта. Это было целое состояние, за которое на берегу Средиземного моря можно построить небольшой город с причалом, верфью и торговыми судами.

Если царица Семирамида так крепко взялась за генерала Адада, значит он ей сильно насолил. Царица тоже в долгу не останется. Она, шантажируя пленницами, могла легко добраться до несговорчивого генерала. Суть ее простого и в то же время гениального плана понимал и генерал.

Девочек необходимо срочно выволить из плена, пока сумасбродная царица не продала их тайно в гарем. Царица пленниц могла и прилюдно казнить.

Дочери и невеста генерала тем были ценны, что они учились в самых известных учебных заведениях Каира, Дамаска, Иерусалима, Ашурра. И стажировались у ученых мирового уровня. Они говорили на многих языках мира, зная государственное устройство стран Востока и Европы, могли стать выдающимися дипломатами, царедворцами, учеными, поэтами, музыкантами. Самые известные высшие учебные заведения Востока Арабелу, Шахри-Заду и Хаву приглашали преподавать математику, словесность, астрономию, астрологию. Их приглашали на работу в обсерватории самых известных университетов. Их звали жрицами в самые престижные храмы Ассирии, Индии, Египта.

Теперь, когда был решен вопрос с отъездом в Дербент, случилась такое несчастье! Если на невольничьем рынке аукцион выиграют жадные до богатств купцы, то работоторговцы повезут их в гарем крымского хана, турецкого султана, персидского шаха, оттуда их больше никто не выволит.

Абраму с друзьями до конца еще не ясно, выставит ли царица своих драгоценных пленниц на аукцион в «день триумфа».

Шахри-Зада и Хава, грациозные, с овальными белокожими лицами, огромными, как озера, небесно-голубыми глазами, копнами густых золотых волос, достигающих до пят, всю мужскую часть империи сводили с ума. Их часто можно было видеть в главных храмах, известных учебных заведениях учителями управления сознанием масс, медитации, математики, астрономии, танцев, игры на музыкальных инструментах, словесности, пения.

Другой красой блистала Арабела. У нее кожа лица и тела была золотистого цвета. Открытым чистым лбом, четко очерченными бровями, огромными темными зрачками глаз, прямым, чуть вздернутым носиком и ноздрями породистой кобылицы она была неотразима. Темно-каштановые вьющиеся волосы, когда она расплетала их, закрывали все ее тело. Арабела как девушка была сложена очень красиво, с узким станом, пышными бедрами, удлиненными прямыми ногами, маленькими ступнями. Арабела не ходила, а словно парила в танце. Она славилась в Западной Азии и за ее пределами как величайшая учительница восточного танца. Этому искусству она должна была обучать лишь жриц храмов, построенных в честь самых известных богов: Ашшура, Иштар, Адада, Нергала... Арабела в искусстве танца богини Иштар была так гениальна, что ученицы, получившие у нее знания,

имели право танцевать только в главных храмах. Им дозволялось танцевать только по праздникам, скрытыми от зрителей за прозрачными занавесами. Они танцевали с закрытыми лицами. С открытыми лицами разрешалось танцевать лишь перед царицей, царскими сановниками, военачальниками, величайшими жрецами. Поэтому самые известные на Востоке школы восточного, индийского танца, считали за честь приглашать к себе учительницей величайшего мастера танца Арабелу.

Танцовщицам, исполняющим танец богини Иштар в храме Ашшура, жрецы запрещали выходить замуж. К тому же танцовщицы, исполняющие танец Иштар, должны были оставаться девственницами. Их называли «храмовницами». Ученицы Арабелы своими танцами восхищали царей, царских сановников, военачальников, жрецов. Танец Иштар, исполняемый ученицами Арабелы, на царя и сановников оказывал огромное эмоциональное воздействие. Танец был до такой степени сексуальным, что доводил зрителей до экстаза. Жрецы храмов, зная про эту хитрость, из царей, сановников, военачальников, находящихся в возбужденном состоянии, вытягивали почти все, чем они располагали: золото, драгоценные камни, недвижимость, молодых женщин, рабов...

Во время исполнения жрицами танца Иштар никто не имел права не только коснуться их, но и вообще встать с места. В таком положении они достигали эякуляции. Поэтому в храмах учителей, подготавливающих таких искусных

танцовщиц, и самих танцовщиц высоко ценили, их боготворили, их ставили в ранг известных жриц, царских сановников.

Шахри-Зада стала известна во всей империи Ассирии как мудрец, величайший музыкант, девушка, которая заговаривает любой музыкальный инструмент. Она играла по большим праздникам только в дворцах изящного искусства, известных на весь мир храмах Ассирии, Египта, Иерусалима, Дамаска. Когда она играла на танбуре или арфе, казалось, что музыкальный инструмент в ее руках начинал оживать: гореть, плакать от восторга. Шахри-Зада была в пении так же сильна, как сирена.

Хава свободно говорила на всех известных языках Европы и Азии, экспромтом сочиняла стихи. Когда она по памяти декламировала целые пьесы, драмы древних египетских, индийских, греческих поэтов, одновременно точно соблюдая все нормы стихосложения, тут же переводила на другие языки, у слушателей от изумления на глаза навертывались слезы умиления.

Слава об образованности Арабелы и дочерей генерала шагнула далеко за пределы Востока. Зная все эти нюансы, царица Семирамида за эти «сокровища» собиралась получить баснословные богатства. Таким образом, собиралась пополнить казну, оскудевшую от бесчисленных войн и военных расходов.

* * *

Абрам дружил с купцами Ассирии, Египта, Индии, которые имели невероятные богатства. Они собирались подкупить не только телохранителей, стражу царицы Семирамиды, но, если будет такая необходимость, и ее армию. Дружья обещали Абраму пойти до конца, чтобы спасти дочерей и невесту генерала Адада.

Кроме того, Абрам с друзьями имели огромное влияние на организаторов любых аукционов города.

* * *

В «день триумфа» горожане ожидали публичное шествие пленников царицы по столице Ассирии. В шествии пройдут бывшие крупные военачальники, царские сановники, члены их семей, офицеры.

В этот день во многих городах и населенных пунктах Ассирии состоится традиционный торг невест. Такой торг ожидался и в Ашшуре.

В этот день один раз в году всех девиц, достигших совершеннолетия, выводят на аукцион невест. Кто в тот день успеет обзавестись невестой, считай, ему повезло. Жениху, проигравшему аукцион, придется дожидаться своего счастья еще

один год. В другое время года в Ассирии запрещено жениться. Каралось законом.

Все купцы, посредники, кого подключил Абрам, через организаторов аукциона невест и глашатая выведывали, выставит ли царица в «день триумфа» дочерей и невесту генерала Адада.

Стало ясно, что аукцион невест состоится сегодня. А вот рынок невольниц состоится в «день триумфа» через два дня. В тот день состоится и аукцион рабов и рабынь.

Абрам через верных людей узнавал, остались ли в городе дочка и невеста генерала? Абраму по секрету доложили, что их боятся вывозить за пределы города. Царица Семирамида девушек выставит на аукцион в Ашшуре. Пленниц держат в специально подготовленном для них помещении. Царица дочерей и невесту генерала собирается продавать вместе с другим «ценным товаром». Таким образом она собирается как-то возместить казну империи, отощавшую за время ведения бесконечных войн.

Генерал Адад молил всех богов о спасении своих девочек. Он с друзьями постарается в худшем случае спасти их от казни, в лучшем случае – отстрочить время проведения аукциона. Там... видно будет.

* * *

Наступил долгожданный аукцион невест. Аукцион невест

по указанию царицы был устроен за площадью храма Ашшур-ра. Вокруг невест, торгуясь, собирались толпы мужчин, посредники женихов.

Торг начали с самых красивых, представительных девиц. Глашатай с утра первую невесту вывел на середину площадки. Объявил первоначальную цену. Начался активный торг. Как только продали первую невесту, сразу на середину площадки вывели вторую. Глашатай объявил стартовую цену. Между потенциальными женихами, подставными купцами-посредниками завязался ожесточенный торг. Как только глашатай объявил торг свершившимся, на площадку вывели следующую невесту.

На аукционе невест продавали только с одной целью, чтобы они становились полноценными женами. Перепродажа невест не допускалась. Хотя иногда организатор аукциона за крупное вознаграждение на уместность торга закрывал глаза. Невест с согласия родителей через посредников за крупный выкуп переправляли в гаремы, дальние страны. Богатейшие женихи Вавилона на аукционе покупали самых красивых невест. Женихам из простого народа приходилось довольствоваться малым, покупая невест за сходную цену.

После продажи всех красивых невест глашатай стал выводить некрасивых, калек. Он предлагал:

– Не пожелает ли кто взять невесту с наименьшим при ней приданым?

– Желаем! Желаем! – ожили бедняки.

С теми, кто соглашался на условие глашатая, начинали торг.

Приданое всех невест определенного населенного пункта или города давалось от выручки, полученной с продажи красивых невест. Так красивые невесты невольно помогали выходить замуж некрасивым, неказистым, калекам.

А выдавать девушку замуж по желанию отца, братьев, родственников не дозволялось. И уводить девицу, приобретенную без поручителя, тоже не разрешали. Жених должен был представить глашатаю, организатору торгов своего поручителя. Поручитель ручался за жениха. Только после того, как удостоверятся в благих намерениях покупателя, ему разрешали уводить невесту.

Если жених с невестой не сходились, то по закону вырученные за невесту деньги на торгах обязаны были возвратить.

Невест в первую очередь продавали покупателям – выходцам из того населенного пункта, города, откуда невеста родом. К торгам допускались, если есть желание, и женихи из других деревень. Чтобы сохранить свой генофонд, чистоту нации, организаторы аукциона по указанию царя своих девиц редко выдавали за пределы Ассирии.

К вечеру аукцион невест завершился.

Друзья Абрама вывели, что дочерей и невесту генерала выведут на невольничий рынок через день, в «день триумфа». На невольничьем рынке в «день триумфа» состоится и

«праздник любви», который продлится почти неделю.

* * *

Наступил долгожданный «день триумфа». Сердце Адада в тревоге за девочек вырывалось из груди. Он метался в четырех стенах дома, на время арендованного ему Абрамом. Решалась судьба невесты и дочерей генерала. Если друзья Абрама не помогут, он навеки потеряет их.

Друзья Абрама решили накануне ночью напасть на дом, где держат их пленниц с другими пленницами благородного происхождения. Предчувствуя нападение генерала на дом с пленницами, царица приказала охрану усилить десятикратно. Тогда решили сделать подкоп под дом. Не удалось. Сделали попытку подкупить начальника личной охраны царицы. Тот испугался за свою жизнь.

Оставалось уповать на бога и случай. В то время, когда генерал от отчаяния метался в арендованном доме, Абрам с друзьями сохраняли спокойствие. Какой план вызволения пленниц заготовили на завтра Абрам с друзьями, генералу не открыли.

* * *

На «день триумфа» в Ашшур с берегов Арагвы, Крыма,

Дербента спешили доставить невольниц и погонщики верблюжьих караванов рабовладельца Абрама, и капитаны его торговых судов.

Ожидающийся сегодня «праздник любви» будоражил не только молодых людей всей Ассирии.

Один караван верблюдов Абрама с невольниками шел по Великому Шелковому пути вдоль юго-западного побережья моря Каспиан.

Кругом простирается пустыня. Выжженная морозами, высохшая за зиму прикаспийская степь, казалось, была совершенно мертва. Из глубин пустыни на море дул холодный ветер.

Нигде не видно ни деревьев, ни кустов, даже саксаула. Караван в пути будет находиться неделями, с редкими остановками и привалами. В целях безопасности погонщики верблюдов решались останавливаться только в безопасных местах. На ночлег останавливались около колодцев, вырытых в оазисах, у рек, в специальных для такого случая местах. Стражники, отдыхая поочередно, круглые сутки стерегли караван от степных разбойников. Вставали с зарей, набрав бурдюки с водой, караван с невольницами двигался дальше. Караван направлялся в столицу Ассирии Ашшур на невольничий рынок. Там будут купцы, работоторговцы со всего Востока, даже с Запада.

Караван на этот раз с собой вез ценный «живой товар», приобретенный в Крыму, Черкессии, Лезгистане, на Тере-

ке, Доне. Купцы Абрама в Ашшур на «день триумфа» везли невольниц редкостной красоты – чернооких белоликих черкешенок, кабардинок, лезгинок, белокурых светлоглазых славянок. На невольничьих рынках Востока, особенно Ассирии, высоко ценили голубоглазых славянок с России, черкешенок с Кавказа. Абрам их за баснословную цену, как редкие жемчужины, поставлял в гаремы турецких пашей, персидских шахов, индийских махараджей.

Погонщики караванов Абрама хотя и остерегались нападений степных кочевников, но чувствовали себя защищенными. Их сопровождали хорошо вооруженные стражники. Степные кочевники, профессиональные грабители, даже полосатые кошки и волки ощущали силу, исходящую от стражников каравана. Если не были уверены в своих силах, не нападали на караван.

Погонщики днем, в жару, у оазисов, у колодцев с водой, на высоких проветриваемых холмах устраивали продолжительные привалы. Больным, ослабевшим невольницам ставили юрты, шатры. Приводили знахарей, оказывая им первую помощь.

Путь каравана был долгий, утомительный. Тысячи верст из Дербента до границ Ассирии преодолели за двенадцать недель. Опытные погонщики знали свое дело. Погонщики силы и время распределяли так, чтобы прибыть к месту назначения ко «дню триумфа».

Другую часть невольниц работорговца Абрама везли на судах с Волги в Дербент. Из Дербента невольниц повезут морем, направляясь в одну из пристаней Персии.

В Дербенте на пристани караван верблюдов с невольницами вторые сутки поджидал корабли. Как только придут суда, невольниц загрузят в трюмы.

На судах все было предусмотрено, чтобы принять и разместить заявленное количество невольниц. В трюмах друг над другом стояло три ряда нар, куда за ноги приковали невольниц.

По Каспийскому морю суда плыли третьи сутки. В этой партии находились молодые невольницы, выкраденные осетинскими, кабардинскими, дагестанскими абреками в деревнях за Терекон, Доном, в хуторах, расположенных по Волге.

Среди невольниц находилась и княгиня Мария. Княгиня была самым ценным «товаром» в этой партии. Ее выкрал кабардинский абрек. Он с дружкой напал на парусное судно русского князя с невестой, направляющегося на военную службу в Астрахань. Абрек с дружкой стражу, сопровождающую князя, порубили острыми мечами. Князь успел выброситься из судна в море. Абрек княгиню Марию со служанками доставил в Дербент. Там ее за хорошие деньги купили купцы Абрама. Теперь люди Абрама княгиню вместе

с другими невольницами доставляют в Ассирию, город Ашшур, на невольничий рынок.

– Дядя, а зачем нас заковали в цепи? – княгиня Мария обратилась к бывалому моряку, верному слуге Абрама. – Кто осмелится отсюда сбежать?

– Э, голубка, бывали и такие случаи... – отвечает моряк уклончиво. – Бывали случаи, когда невольницы поднимали бунт, хозяев заковывали в кандалы, а стражников поднимали на копья, топили в море. А сами разворачивали суда, возвращались к себе домой. Бывали случаи, когда сами невольницы, подавшись на острова в море, в устья крупных рек, становились пиратами, торговками невольницами.

– Все же, зачем вам так много стражников на судах? Слабые женщины перед вооруженной стражей – что ягнята перед волками.

– Кроме невольниц на судне у нас есть и другие головные боли. В море нас часто тревожат пираты, кочевники, подстерегающие в бухтах, у островов, в устьях рек. В последние годы на купеческие суда с невольницами на быстрых галерах часто стали нападать пираты. Особо сильно нам достается от пиратов Горбуна из Дербента. Они жестоко расправляются с нашими стражниками, а суда с невольницами направляют на другие невольничьи рынки.

– А что будет, если этот Горбун сегодня нападет на наше судно? Вас, моряков, посадит на весла своих галер, стражников перебьет, а нас отпустит по домам?

– Предполагаешь, что Горбун, любитель молодых красивых женщин, пожалеет тебя, отпустит к маменьке в сопровождении своих стражников?

– Вдруг в его сердце проснется бог? – печально вздохнула княгиня.

– У невольниц, подобных тебе, в жизни случайности не бывают, милая. От чего, думаешь, хозяин последнее время твоекратно усилил стражу на судах? Был недавно случай. Мы возвращались из Дербента с «живым товаром», приобретенным в Крыму. День был хороший, на море полный штиль. Хозяин находился в прекрасном настроении. Он нам по прибытии на пристань обещал хороший бакшиш. Вдруг с одного острова в море мы услышали умопомрачительную песню сирен. Сирены за считанные мгновения своей песней заколдовали стражу, гребцов. Стража потеряла бдительность. А гребцы перестали грести веслами. Не успели мы оглядеться, как на нас на пяти быстроходных галерах напали пираты во главе с тем самым Горбуном. Они дрались отчаянно. Многих наших стражников перебили, выбросили в море, моряков приковали цепями к галерам, заставили грести. Мы с хозяином вместе с некоторыми стражниками сумели выброситься в море. Спаслись чудом. Нас подобрал караван судов, следующий за нами. Пираты захваченные суда развернули в одну из бухт. Невольниц высадили. Оттуда невольниц на караванах верблюдов люди, которые занимались грабежом, переправили в Самарканд, Бухару, Ташкент. Тогда

Абрам нас жестоко наказал. Одних приказал исхлестать нагайками, других бросил в каземат... Нет, красавица, к старости мне не хочется, чтобы палачи рабовладельца Абрама с меня живьем содрали шкуру.

Княгиня Мария после страшной истории, рассказанной старым моряком, утихла. Она тихо заплакала, обжигаясь горькими слезами. Многие невольницы, ставшие свидетельницами этого разговора старого моряка с княгиней, тоже зарыдали.

Чем дальше караван судов уплывал в море, тем дальше невольницам казались родные края!

Попутный ветер раздувал паруса судна. Оно бежало по морю, зарываясь носом в волны.

Аукцион

Караван судов с невольницами вовремя прибыл в назначенную пристань Персии. Стражники с невольниц снимали цепи. Их партиями выводили к каравану, который, не мешкая, собирался отправляться дальше. Караван пошел на Восток по Шелковому пути, одна из ветвей которого проходит по столице Ассирии Ашшуру.

В это время на площади, где собирались провести аукцион невольниц, генерал Адад, загримированный, переодетый в одежду купца-еврея, изучал подходы и отходы.

Эта площадь хорошо просматривается и из окна дома Абрама. Площадь очень большая, на ней уместятся торговцы, невольницы, граждане города, приезжие из других провинций империи.

На стратегически важных участках площади усилена вооруженная стража царицы. По оживленному движению горожан, стремящихся на площадь, их разговорам, можно понять, какие страсти разгорятся на площади спустя некоторое время.

Адад протискивался в толпе, прокладывая себе дорогу, работая локтями. Перед ним на площадь, где должен происходить аукцион, направляется хорошо одетый мужчина восточного типа, грубо расталкивая рабов и слуг. Он за собой на веревке ведет молодую мулатку, у которой из одежды на

груди и на бедрах есть лишь набедренные повязки. Мужчина невысокого роста, полноватый, движения его навязчивые, бесцеремонные. По тому, как себя ведет, можно догадаться, что он не патриций, не боевой генерал, даже не купец. В толпе, скорее всего, «рисовался» бывший раб, получивший недавно свободу. А сегодня сам на веревке ведет свою первую рабыню, которую собирается продать с аукциона.

Мулатка, идущая за ним, была стройной, высокой, мускулистой. У нее были красивые черты лица, широко раскрытые угольно-черные глаза. Брови так красиво были настрожены, словно она только что вышла из салона красоты. Ее курчавые иссиня-черные волосы привлекали взоры проходящих рядом мужчин.

А человек, ведущий рабыню на веревке, шел так, словно в этом мире, кроме него, никого нет. Показывая свою власть над рабыней, резко оборачивался, дергая веревку. Покрикивал на нее, чтобы поторапливалась, иногда угрожающе размахивал плеткой. Мулатка, хотя и могла легко разделаться с хозяином, покорно шла за ним, не обращая внимания на его окрики. У невольницы связаны руки, взгляд опущен к земле. Она прибавляет шаг. Проходит мимо растерянно оглядывающего ее Адада. В глазах рабыни Адад прочел отпечаток смирения, страх за свою судьбу. «Что же будет с моими девочками? – ком застрял в горле. – Я не вынесу их унижения! Эта несчастная, наверное, с Черного континента. Она ангельски хороша. Трудно определить, из какой она страны.

Но на Черном континенте такие красотки рождаются в Эфиопии или в Египте».

Адад шаг за шагом углублялся в толпу. На площадку аукциона два раза в неделю поднимаются сотни, тысячи рабынь, тысячи поломанных судеб, разбитых вдребезги сердец. Этой «шоколадке» повезет, если попадет в хорошие руки. Но если попадет в придорожное кафе, караван-сарай, на пристань грузчицей, она долго не протянет.

На деревянных помостах площади на продажу в ряд выставлен «человеческий товар». Девушки, молодые женщины, некоторые с грудными детьми. Много разных: светлокожие, светловолосые, с шоколадным цветом лица, желтолицые, узкоглазые... На генерала, проходящего мимо, с надеждой, мольбой смотрят монголки, китайки, татарки, узбечки... Среди невольниц есть славянки, представительницы с Кавказа... У каждой невольницы на шее висит табличка. Работоторговцами на таблички занесены их данные: происхождение, род занятий, достоинства, некоторые недостатки.

Вот табличка на шее одной негритушки: «Эфиопка, сильная, работающая, послушная». Вот табличка на шее другой невольницы: «Гречанка. Знает грамоту, владеет греческим, римским, ассирийским, галльским языками. Можно использовать как преподавателя при храме, как чтицу стихов на пирах». Вот еще одна табличка: «Дочь киевского князя, прекрасна, умна, образована, украсит собой любой гарем».

Какова доля истины в этих надписях? Видавшие жизнь

ассирийцы знают, что работоторговцам и их доверенным лицам не стоит доверять. Они ради наживы пойдут на любой подлог: азиатку сделают негритяжкой, блондинку сделают брюнеткой и наоборот. Чтобы продать свой «товар», торговцы будут приукрашивать достоинства, смягчать недостатки, скрывать вредные привычки.

На аукционе рабыни, прошедшие через руки многих торговцев, выглядят невозмутимыми. Глаза этих рабынь, спрятанные под копнами рыжих, черных, светлых волос, кажется, не выражают никаких эмоций. В них не увидишь ни протеста, ни гнева, ни отчаяния. Каждая из этих невольниц на аукцион попала не по своей воле. Может, проходя, через третьи, четвертые руки. У каждой рабыни за плечами стоит трагическая судьба. Они ждут своей участи. У многих рабынь, которые попали на торги первый или второй раз, в глазах застыл немой вопрос, страх, отчаяние.

Есть такие, которым уже все равно, что с ними случится, куда их продадут.

Есть совсем молоденькие, которых накануне вырвали из материнских объятий, у которых еще не высохли слезы на глазах. Первый раз в жизни они видят невольничий рынок, город, такое огромное скопление людей, других рабынь в звенящих цепях и кандалах. Что с ними после аукциона будет? Благо, если попадут в хорошие дома, особняк патриция, в штат его домашней прислуги! Такая рабыня еще в состоянии повлиять на свою судьбу. Если не считать возмож-

ной сексуальной эксплуатации, есть надежда через некоторое время хотя бы получить свободу. Если невольница попадет в лавку, где ее под присмотром бывшего раба-надсмотрщика будут использовать тягловой силой, там она сгинет. Но бывает еще хуже, если попадает в бордель – сексуальное рабство.

Невольничий рынок является своего рода преддверьем в ад. Девица, родившаяся, жившая в хорошей, благополучной семье, с определенным достоинством, подчинявшаяся общественным порядкам, на невольничьем рынке неожиданно превращается в простой предмет купли-продажи...

Адад, переходя от помоста к помосту, наблюдает жестокие, бесчеловечные картины, встречающиеся только на рынках скота. Вот в кругу покупателей торговец открывает рот рабыне, чтобы продемонстрировать покупателю ее зубы, свежесть дыхания. Другой торговец под похотливым взглядом жирного и потного клиента щупает рабыне грудь, гладит рукой по животу. Третий торговец, чтобы показать силу, выносливость огромной немки, выставленной на продажу, хлопает ее по заду, поглаживает бедра и икры ног.

Выкрики, которые Адад слышит из толпы, из рядов купцов, не менее вульгарны:

– Смотри, какая кобылица, даже слона вытерпит.

– Посмотрите на глаза этой мулатки, как они горят?!

Сильна ведьма, любому мужику череп раскромсает, как скорлупу грецкого ореха!

Его напарник:

– Это же находка для тебя! Корми, одевай, и над рабами никакого надсмотрщика не надо!

Напарник его перебивает:

– Тогда купи ее сам.

Напарник:

– И куплю. Разверни-ка, братец, ее задом! Дай разгляжу товар!

Торговец заставил рабыню поворачиваться.

– Предложи свою цену.

Торговец огласил цену. Покупатель согласился с ценой. Торг состоялся. Ударили по рукам.

Рядом свой «товар» предлагает другой торговец:

– Купите мой товар. Самая что ни есть нубийка! Продам совсем недорого! Уступлю, как другу! В наше время нубийки так вздоржали. К тому же она и с хозяйством управится, и постель согреет, и от двора любого сборщика налогов отпугнет!

Покупатели обступили нубийку. Поторговались. Торг состоялся. Нубийка пошла за новым хозяином.

Недалеко разворачивается не менее трагичная сцена.

– Хозяин,ними повязку со лба вот того раба. Не того карлика, другого! Громадного, как горилла, с буквой F, выжженной на лбу! Хозяин, ты кого продаешь? Ведь он беглый раб! (В Риме пойманному беглому рабу выжигают на лбу надпись fug (что значит «беглец»). Выжигают надпись

fur, если он вор.

Генерал Адад, ощущая ищущие глаза шпионов, затерялся в толчее покупателей, продавцов «товара», поставленного на аукцион только что с Черного континента.

* * *

Аукцион черных рабов проходит отдельно, на специально оборудованных по этому случаю площадках. Правила на аукционе «черного товара» всем торговцам ясны: продавцы товар рекламируют, покупатели его разглядывают, прицениваются, приобретают.

Бывает, что на рынках черных рабов делят на категории. Их продают в разные дни. В один день продают «прислугу» для домашней работы, на следующий день – «профессионалов»: поваров булочниц, танцовщиц, садовниц, массажисток и...

Есть такие дни, когда на продажу выставляют девочек для работы по дому и обслуживания гостей на пирах.

Есть день, когда на аукцион выставляют калек, уродов. Для них открыты специальный ряд и помосты: для карликов, великанов, рабынь с физическими и умственными недостатками. Таких рабов приобретают на самые грязные работы, куда не допустишь даже собак...

На расстоянии полета стрелы есть рынок, где, если хорошо поторговаться, можно купить интеллектуально развитых

невольниц редкостной красоты и чистоты. Только там сначала надо хорошо осматривать «товар» и долго прицениваться.

Глашатай описывает достоинства, которыми обладает невольница: девица, молодая женщина, еще не почувствовавшая ласку супруга. Таких невольниц в основном берут в гаремы вельможных особ, наложницами ханов, князей, пашей...

Вот на площадке стоит милая, красиво одетая и разукрашенная девица. Она в сандалиях с золотыми пряжками. С мочек ушей свисают серьги-колокольчики из чистого золота. А на груди висит огромный золотой кулон с рубином – работа арабских мастеров.

Продавец с лица красавицы на голову откинул черную вуаль. Девушка вскинула на толпу зевак огромные угольно-черные глаза с длинными лучистыми ресницами.

Толпа изумленно ахнула.

– Взгляните на эту жемчужину Кавказа! – обратился к покупателям глашатай.

Площадку стали окружать со всех сторон.

Из копны темно-каштановых волос смущенно выглядывает носик, и за ним изумленное лицо. Оно невероятной красоты, чистоты и белизны. Под носиком с еле заметной горбинкой и пышущими ноздрями пунцовеют губы, как бутон только что раскрытой розы. Девушка среднего роста, стройна, грациозна, с высокой грудью. У нее огромны жгучие черные глаза. Овальное лицо, худощавое тело, но замет-

ный стан, бедра.

– Перед вами красотой блещет кавказская лань. Эта красота из Черкессии. Она в лучшей одежде, какую носят самые богатые пери на Востоке. Ее стан стройнее гибких веток ивы, речи ее нежнее ветерка на заре. Кто станет обладателем этой жемчужины, не будет знать ни горя, ни недостатка!

Покупатель в атласном красном халате, в тюрбане, с чувяками с острыми носами, надетыми на босые ноги, глядя в глаза невольницы, затрясся:

– Сколько стоит эта невольница?

Посредник:

– Цена этой жемчужины Кавказа десять тысяч динаров. Ее владелец клянется, что эти десять тысяч динаров не покроют расходы на ягнят, горских ланей, которых резали, чтобы кормить ее свежим мясом, поить водой, набранной с вершин кавказских гор! Взгляните, как она одета: бархат, золото, драгоценные камни! Самые лучшие мастера слова, ученые-арабисты учили ее мудреным наукам. Красавица изучала чистописание, грамматику, восточные языки. Эта лань лучше любого ученого-арабиста толкует Коран, основы законовещения, каноны религии, врачевания. Она лучше любого устаза играет на струнных инструментах.

– А ну-ка, братец, покажи ее зубы.

Посредник заставил невольницу раскрыть рот. Невольница показала ровный ряд зубов. Зубы были здоровы, чисты, сияли перламутром.

– Пусть она декламирует стихи.

Девушка звучным грудным голосом прочла одну суру из Корана. Чем изумила окружающих.

– Пусть танцует.

Откуда-то в руках виртуоза появился бубен. Над головами невольниц пронеслись звонкие удары пальцев о бубен. Девушка закружилась так юрко, что подол ее платья завихрился.

Торг состоялся.

В другом месте невольница сама рассказывает о своих достоинствах. Ее спросили:

– Как тебя зовут, красавица?

– Мое имя Амина, – мягко ответила невольница.

– О, Амина, скажи на радость, каким наукам обучена? Что еще умеешь делать? – спросил купец.

Невольница отвечает:

– Господин, я хорошо знаю точные науки: математику, геометрию, астрономию. Обучена словесности: грамматике, лексике, законоведению, умело толкую суры Корана. Кроме того, я играю на домбре, знакома с музыкой Востока, хорошо рисую. Я изучила Коран, читаю его согласно семи, десяти и четырнадцати чтениям. Я знаю число сур Корана, стихов, его частей, половин, четвертей, восьмых, десятых. Знаю и число падений ниц. Я знаю количество букв в Коране, стихи, отменяющие и отмененные. Я знаю суры мекканские и мединские, условия их ниспослания...

Покупатель из-за паузы вытащил томик Корана, приложил к губам, передал невольнице:

– Читай вот эту суру, – показал пальцем.

Кругом все замерли. Девушка поклонилась, приложила Коран к губам, ко лбу. Она оглядела толпу жгучими глазами, изящно наклонила голову над священной Книгой и стала декламировать одну из сур. После первых же слогов, прозвучавших из ее уст, на площади многие замерли, встали на колени. Они за невольницей шепотом повторяли заветные слова Корана. Невольница так мастерски читала, что поразила всех своим голосом, дикцией, выразительностью чтения. У нее был такой завораживающий голос, что многие плакали в умилении. Девушка закончила чтение, Коран, кланяясь, передала его хозяину. Вдруг площадь взорвалась от криков восторга, грома аплодисментов.

Объявились множество покупателей этой жемчужины. Аукцион состоялся на окончательной цифре в двадцать тысяч динаров. Один из покупателей выложил запрошенную посредником сумму.

На другой площадке покупателю было достаточно одного заявления продавца:

– Эта леги из Кавказской Албании.

Покупатель, ударяя по рукам, лишь воскликнул:

– Если есть в этом деле грех, да падет он на голову продавца!

Сделка состоялась.

Генерал выбрался из толпы, направился к площади храма Ашшура. На площади для проведения «праздника любви» доделывали последние мелочи.

«Праздник любви» продлится четыре дня. По той информации, которую генерал получил от доверенных лиц Абрама, его девочек на аукцион выставят в последний день празднования.

День триумфа

В «день триумфа» с рассветом в город на взмыленных конях въехали два всадника. Один из всадников – женщина, переодетая в мужскую форму. Всадники шагом проехали мимо заgrimированного генерала Адада, который в это время затесался в толпу, прущую на центральную улицу. Эта дорога вела к храму Ашшура. Генерал Адад во всаднике узнал друга Абрама. Но не показал виду.

– Судьба благосклонна к нам, Амелия! – произнес Абрам. – Мы не опоздали на «день триумфа». Храм Ашшура находится там, за спинами стражей царицы!

– Господин, я рада, что мы вовремя успели. Успели, пока по улице ради триумфа не провели пленников царицы?

– Всею свое время...

– Но подскажите, как мы выберемса из этой гущи собравшихся? Как бедных девочек вызволим из плена царицы? Самы же не нападём, когда они будут проходить мимо дома? Переодевшись купцами, простыми гражданами, в толпе, видимо, затаился не один стервятник царицы, выслеживая нас?

– Да, Амелия! Везде расставлены капканы царицы. Эти шакалы того и ждут, чтобы затолкать нас туда! А потом вздернуть на виселице перед всей беснующейся толпой. Не волнуйся: в толпе на площади работают десятки моих друзей. В случае опасности они предупредят нас. Девочек спа-

сем... есть один план... Ты же знаешь, генералу Ададу я обязан жизнью и честью моих дочерей!

Абрам эти слова произнес приглушенно. Но генерал их издалека прочел по выражению его губ. Адад лишний раз убедился, что Абрам остался человеком чести. Он нутром чувствовал, что боги им помогут.

Абрам со спутницей повернули лошадей в переулок. А там, в тени кипарисов, стоит его старый дом, который охраняет старый слуга-еврей. Скоро мимо окон его дома к храму Ашшура для триумфа поведут всех пленных царицы. Среди них могут находиться и девочки генерала.

– Если невеста и дочери генерала будут в числе пленниц, ведомых на площадь Ашшура, в чем я не сомневаюсь, то мы увидим их из окон дома, – прошептала Амелия, словно читая мысли хозяина.

– Если в гуще плененных не будет девочек, – голос Абрама задрожал, – то царица приказала их или казнить, или продала тайно.

Амелия затряслась.

* * *

На площади перед храмом Ашшура собрались толпы людей. Улица, ведущая мимо дома Абрама, переулки заполнены толпами людей, стремящимися на площадь. Наконец всадники вырвались из кольца толпы, протискивающейся

мимо них. Они остановили лошадей у заднего двора мрачного на вид домика.

Дом с главной улицы смотрелся совершенно нежилым. Осмотрев ставни, двери запертые наглухо, спутница нагнулась, на себя потянула дубовую калитку, обитую металлическими листами. Она была заперта. Прежде чем слезть с лошади, Абрам подозрительно огляделся по сторонам, постучался в калитку. Долго никто не отзывался. Наконец сквозь узкую щель ставней они услышали дребезжащий старческий голос:

– Уходите! В этом доме, кроме старого слуги, никого нет. Хозяин дома пал за свободу Иерусалима. Кто вы? Зря беспокоите старого больного еврея!

– Отвори, Нух! – повелительно произнес Абрам. – Что ты, старый плут, не узнаешь голоса своего господина?

Маленький сморщенный старикашка в коричневой одежде слуги выглянул в щель. Он, всплеснув руками, радостно воскликнул:

– Клянусь священной Торой, передо мной стоит совершенно здоровый хозяин! Добро пожаловать, господин, добро пожаловать! – По лестнице чуть ли не скатился на первый этаж, распахнул двери дома. – А говорили, что вы в Иерусалиме пали смертью храбрых... Люди лгуны, – со скрежетом отворяя ворота, – что за страсть старых людей вводить в заблуждение, – выставив растущий горб, к калитке зашаркал сандалиями.

Спутница Абрама ввела лошадей во двор, заперла за собой ворота, калитку.

Старый слуга, кланяясь, бросился к ногам хозяина.

Хозяин не дал верному слуге припасть к своим стопам.

Нагнулся, приподнял, обнял его за плечи, приговаривая:

– Почему ты, Нух, решил, что меня убили?

– О тебе, господин, в городе ходили разные слухи... От тебя не было вестей... А я знал, что ты просто так никому не сдашься! Никому не позволишь опорочить ни своей чести, ни своего славного имени! Я, старый дурак, предполагал, что если ты погибнешь, то только в честном бою!

– Слышишь, женщина, как выражается мой вольноотпущенный слуга? – подмигнул хозяин Амелии.

– Тем не менее, Нух, случилось то, что ты считал случившимся. Я был захвачен в плен, хотя не по своей вине! Но мне помогли сбежать.

– Хозяин, боги милостивы к тебе. Ответь мне, тебя не коснулся ядовитый перст вероломной царицы, заточившей своего мужа в темницу, а потом убившей его? До меня иногда доходили разговоры, что над генералом Ададом нависло острие топора ее палачей. Тебе, господин, надеюсь, не грозит участь своего друга? Нынче в «триумфальном шествии» пройдут сановники, генералы, сотни поверженных офицеров бывшего царя Нана, их жены, сыновья, дочери... Их поведут со скрученными за спину руками, гремя цепями, с позорными досками, висящими на груди: «Я – предатель»!

– Прекрати, старик! – остановил его Абрам, бледнея. – На душе и так тошно. А ты вдобавок по ней проходишь еще острием клинка! Ты лучше прикажи рабам приготовить нам ванну и обед. Мы с дальней дороги и нуждаемся в отдыхе. Наконец, в хорошей еде!

– Рабов я отослал на работы в поля, а лишних продал. В доме остались только я и старая невольница. Она шустрая, хозяйин. Она мигом приготовит все, что, тебе, господин, угодно! – засуетился старик.

– Скажи, старик, – вдруг Абрам заговорил шепотом, – а у нас хоть какие сбережения остались?

– Деньги? Да, деньги у нас остались... Я даже не знаю, в какие щели их еще запихивать!

– А я знаю! – обрадовался хозяин. – Они мне сегодня нужны! – Чуть подумав: – Сейчас же. И очень... очень много!

Старик поклонился, вышел. На кухне зашептался со старой служанкой. Служанка забежала, гремя посудой.

Время было послеобеденное. С кухни пошли вкусные запахи жарящегося мяса.

Да, старушка была шустра. Абрам так и не понял, как она успела разогреть воду в хамаме, приготовить все необходимое для купания.

Он искупался, натерся благовониями, переоделся в чистый хитон. Теперь бодрый, свежий стоял у окна. Он сквозь щели в ставнях следил за «триумфальным шествием». Пленники царицы шли мимо окон его дома, гремя цепями, кан-

далами.

К хозяину присоединилась и Амелия, тоже переодетая в чистый белый хитон, молодая, пышущая здоровьем.

– Хозяин, – кончиками пальцев мягко прикоснулась его плеча, – ваш старый слуга в хранилище с сундуков с золотом и серебром снял все запоры. Что прикажете нам с ними делать?

– Набивайте золотом все имеющиеся у нас хурджины... Да, пусть из тайников вытаскивает все драгоценные камни! – Его мысли были заняты девочками генерала. – Ты о них... что-нибудь узнала, Амелия?

– Кое-что, господин!.. Девочки должны следовать перед колесницей триумфатора. Триумфатором будет сама царица Семирамида. Затем их под конвоем поведут на площадь, где выставят на продажу с аукциона. Из-за девочек, говорят, произошла страшная ссора между царицей Семирамидой и старшим сыном Нина Ниниасом, который захотел забрать их к себе в гарем!

– Ссора из-за несчастных девочек?! Между мачехой и ненавистным пасынком? Хотя все это я предвидел... Боги, зачем вы в такой час восстали против генерала Адада? Надо же такому случиться, что в стане врагов моего друга объявился и этот шакал со своим вонючим кланом?! – негодовал Абрам.

– Не убивайтесь, господин, все уляжется. Вы же умный, расчетливый человек! Не вам сомневаться в своих возмож-

ностях и в магии притяжения золота! – Амелия обняла хозяина за шею, поцеловала его в щеку. – Перед звоном ваших золотых монет, блеском драгоценных камней теряли голос и цари, и султаны, и махараджи!

– Да, Амелия, мне ничего не жалко за жизнь этих прекрасных существ! Но, боюсь, наше золото не спасет генерала от мести царицы Семирамиды!

– К чему тревожиться раньше срока?! Даже самая буйная горная река, достигнув Аравийской пустыни, теряет свою мощь! – Амелия прильнула к груди хозяина, обнимая за шею горячими руками.

* * *

За «триумфальным шествием», проходящим мимо дома Абрама на площадь храма Ашшура, из своего укрытия следил и генерал Адад. Как бы ни загримировался генерал, Абрам с Амелией узнали его. Они тревожились, как бы царские шпионы не вычислили его.

Мимо окон дома Абрама продолжалось бесконечное шествие вереницы трумфаторов. Проезжали колесницы с изображением сцен покорения Иерусалима, Дамаска, пленения генералов, сановников царя Нина, с главным богом Ашшуром, богинями Иштар, Ашторет-Астартой, Набу.

Специальный отряд стражников царицы нес драгоценные вавилонские гобелены, золотую утварь Иерусалимского хра-

ма, модели судов и кораблей, взятых у неприятеля. В середине шествия, окруженная пятьюстами стражниками личной охраны, на золотой колеснице показалась царица Семирамида. Перед царицей толпа встала на колени, склонив головы. Замыкали шествие пленные, закованные в цепи. При движении на них звенели цепи, гремели деревянные кандалы, перекрывая возгласы окружающей толпы. . . .

Один громадный воин, с черной бородой, у которого затек один глаз, оставшимся глазом с презрением осматривал враждебную толпу. Другой, голубоглазый, с тонкими, благородными чертами лица, негодовал, когда из толпы в свой адрес слышал сквернословие, его оплевывали, кидали тухлыми яйцами, гнилыми помидорами. Он дико озирался блуждающим взглядом. Желал с кем-либо схватиться, искал смерти от меча благородного офицера. Выражение его лица и глаз говорили о сердечных муках.

Вдруг одна женщина из толпы, подняв черепок, швырнула им в лицо офицера:

– Трус! Собака. Ты сдался этим шакалам! А еще себя называл офицером чести!

Этого унижения офицер не стерпел. Его голубые глаза зажглись презрительным огнем. Он грозно бросил ей в ответ:

– Я не трус! Я в каземате одной рукой задушил десятирх стражей царицы! А пятерых заколол в сражении – пятеро пошли на одного! Пойдут пятьдесят, не отступлюсь! Я не трус! – Благородный воин бил себя в грудь кулаком, гремя

цепями. – На меня, тяжело раненного в плечо, навалились десятки стражей царицы. Они только так смогли скрутить меня! Я ослаб от потери крови, потерял сознание. Когда очнулся в каземате, решил удавиться, но меня цепями приковали к стене! А я сейчас умру! Пусть кровь моя падет на ваши головы!

И прежде, чем кто-либо успел его предупредить, он кинулся под колеса громадный колесницы царицы Семирамиды, запряженной восемью белыми лошадьми.

– О-о! – простонал генерал Адад в своем укрытии, закрывая лицо руками. Он узнал этого мужественного офицера, который под его началом верно служил царскому трону.

Амелия за окном, воздевая руки, молилась за душу несчастного офицера, за отпущение грехов дикой толпы, жаждущей крови. Толпа теперь восхищенно рукоплескала отважному голубоглазому офицеру, презревшему жизнь ради сохранения чести.

Пока уборщики убирали тело, процессия во главе с царицей медленно двигалась на площадь.

* * *

Вдруг толпа ожила, словно нервная дрожь пробежала по всему ее огромному, трепещущему телу. Толпа стала скандировать имена своих любимиц:

– Смотрите, смотрите, люди, в цепях ведут Арабелу,

Шахри-Заду, Хаву! Как можно символы Востока заковать в цепи?!

Толпа зашевелилась многочисленными ногами, отталкиваясь от напирающих соседей, спихивая с себя, кидаясь на спины вдруг озверевших, топчущих, стонущих, издающих проклятия.

Пленницы проходили мимо дома Абрама. В окружении беснующейся толпы, в роскошном наряде, шитом золотом и серебром, с гордо поднятыми головами шли Арабела, Шахри-Зада, Хава. Арабела в дорогом жемчужном ожерелье на шее вся сияла, залитая яркими лучами солнца. Рядом с ней в небесно-голубом наряде, расшитом нитками из белого золота, словно не шла, а плыла Шахри-Зада. Сбоку от сестры держалась Хава в зеленом хитоне, шитом золотыми нитками, зеленых сандалиях с золотыми пряжками.

– Смотрите! Смотрите, люди! – орала толпа. – Это Арабела, невеста генерала Адада! А рядом с Арабелой порхают его голубоглазые золотокудрые дочери! Знайте, они самые красивые девушки в мире!

– Арабела! Шахри-Зада! Хава! – скандировала толпа.

* * *

– Господин! Господин! – Амелия вцепилась Абраму в плечо. – Взгляните, это они!.. Наши голубки! – Девушки были так божественно прекрасны, что у Амелии подкосились но-

ги, а глаза наполнились слезами.

В своем углу перед неожиданно появившимися дочерьми застыл отец. Кровь отхлынула от его лица. Он перестал чувствовать тело. Пальцами впился в рукоятку меча так, что из-под ногтей сочилась кровь. Он широко распахнутыми глазами, немигающим взглядом впился в лица девочек. Арабела, Шахри-Зада, Хава, чувствуя взгляды близких, направленные на себя, стали смотреть по сторонам.

Адад повернулся к ним спиной, иначе мог испортить все.

– Аррбе-ееллааа! Арабела! Аррбе-ееллааа! Аррбе-ееллааа! Аррбе-ееллааа! – вопили одни.

– Шахри-Зада! Шахри-Задаа-ааа! Шахри-Задаа-ааа! Шахри-Задаа-ааа! – скандировали другие.

– Хава! Хав-вааа! Хав-вааа! Хав-вааа! – старались первую и вторую группы перекричать третьи.

Многие в толпе рыдали от восторга, изумленные неземной красотой Арабелы, божественным сиянием Шахри-Зады и Хавы. Из толпы со всех сторон слышались тысячи восторженных голосов:

– Смотрите! Смотрите, люди поднебесной, на посланниц небес! Это богини любви, спустившиеся с небес: Иштар, Афродита, Венера! Как они великолепны! Как они величественны! – толпа неистовствовала.

Толпа продвигалась вместе со своими кумирами, люди рисковали быть затоптанными под ногами беснующихся. Первые жертвы просили о помощи. Стылали, просили помо-

щи сотни людей, упавшие, растоптанные ногами, вмятые в мостовую.

– Арабела!!!

– Шахри-Зада!!!

– Хава!!!

– Ой! Ай! Умираю! Задыхаюсь! Спасите! Пожалейте! – зывали о помощи из толпы растоптанные ею.

Если сейчас же за наведение порядка не возьмутся стражники, на улице, задавленные беснующейся толпой, задохнутся сотни и тысячи людей.

«О боже, как измучены мои девочки, как они беззащитны перед этой взбесившейся толпой! – беспомощно скрежетал зубами безутешный отец. – Я не могу им помочь! Даже приблизиться к ним! О горе, горе!»

Амелия, оглушенная ревом толпы, отодвинула от окна Абрама, встав на его место. Она осторожно раздвинула ставни, оттянула голубую шелковую штору. Амелия над девочками, проходящими под ней, повисла с подоконника так, чтобы они могли ее видеть.

– Арабела заметила меня! Какая она глазастая! Видимо, чувствовала, что из окон дома за ними будем наблюдать! – радовалась Амелия, оглушенная ревом толпы, криками стражей, ударами хлыстов.

Абрам тоже хотел взглянуть на девочек. Но Амелия не подпускала его к окну, боясь, что шпионы из толпы узнают его.

– Уймись, хозяин. Это небезопасно, – Амелия отвела его. – Теперь наши девочки знают, что они не одни, что за них молятся, за них переживают!

– Я хочу, чтобы они увидели и меня!

– Поздно, господин! Видите, шествие прошло мимо дома! Хорошо, что девочки в проеме окна не заметили тебя, хозяин. Иначе они выдали бы себя и нас!

Амелия заняла свое прежнее место у окна, не спускала глаз с девочек, пока те не затерялись в толчее шедших пленников.

* * *

Солнце клонилось к западу, окрашивая багрянцем и золотом мраморные дворцы, мосты, висячие сады, колонны храма Ашшура. Рядом с дворцом находился и форум. Здесь пока не таклюдно. Многотысячная толпа, насладившаяся «триумфальным шествием» пленников и пленниц царицы, особенно божественной красотой Арабелы, Шахри-Зады, Хавы, расходилась, покидала улицы и площади.

Только возле рынка невольниц возились несколько десятков покупателей, прибывших из глубины империи. Там сновали люди неопределенного происхождения с бегающими глазами, охотящиеся за кошельками зевак.

Еще задолго до захода солнца со своего убежища исчез генерал Адад, предупрежденный людьми Абрама. По наущению

нию шпионов царицы переодетые стражники в толпе искали генерала.

За площадью храма Ашшура, обложенной красным мрамором, где состоится аукцион, находилось длинное одноэтажное строение. Там держали «самый ценный товар». Вокруг здания, заглядывая в окна, кругами ходили фанаты Арабелы, Шахри-Зады, Хавы.

Некоторые удачливые торговцы, воспользовавшись тугостью кошельков, знакомством с некоторыми стражниками, тенью ходили перед клетками узниц. Они осматривали, приценивались к товару прежде, чем его выставят на аукцион. В их числе, благодаря кошельку, набитому золотыми монетами, пробралась женщина под чадрой. Она небольшой сверток незаметно бросила к ногам Арабелы. Успела шепотом еще кое-что передать.

В этом каземате держали около ста невольниц, самый высокооплачиваемый товар. Каждая из них стоила целое состояние. Любой рабовладелец, паша, махараджа ради них готов был разориться. Это были самые красивые пленницы, собранные в Ассирии, Месопотамии, Сирии, Иерусалиме. Среди азиаток единично блистали и светлоглазые, светловолосые европейки.

Рядом со зданием, где прятали восточных и европейских красоток, был и другой каземат. Там в плену держали так называемых «интеллектуалок», за каждую из них на аукционе могли выложить от десяти до тридцати тысяч золотых монет.

Там между клетками узниц было намного оживленнее. При свете фонарей и факелов опытные купцы и посредники присматривались к «товару», заранее договаривались с невольницами, предлагая работу учителей, знахарей, учителей танцев и пения, красиво одевать, хорошо кормить.

Большинство невольниц сидели в клетках с выражением тупой покорности на красивых лицах.

Перед клеткой, где держали смуглую красавицу-еврейку с диким взглядом, вертелся жирный самодовольный купец. Виски его были белы, на голове круглая проплешина. Он уговаривал красавицу продемонстрировать свои прелести. Но та, дико вращая белками глаз, отворачивалась от него. Тогда купец наклонился, порываясь приподнять подол ее туники. Но, едва он успел коснуться красавицы, она огрела его такой звонкой пощечиной, что самодовольный нахал под общий смех присутствующих откатился назад.

Он стал грозиться, поглаживая щеку:

– Так ты решила «отблагодарить» своего будущего благодетеля? Хорошо, красавица. Не пройдет и десяти часов, как ты будешь визжать подо мной, прося прощения!

Девушка презрительно отвернулась от него.

Темная ночь многим невольницам, прошедшим не один круг ада, казалась краткой. Другим, готовящимся к первому своему аукциону, ночь казалась нескончаемой. Одни пленницы, рабыни умоляли Всевышнего, чтобы ночь никогда не заканчивалась. Другие нетерпеливо просили быстрого на-

ступления дня и решения их судьбы.

* * *

Вот забрезжил рассвет. Со всех концов города голоса начали подавать ослы. Верблюды, приподнимаемые хозяевами с колен, недовольно заревели. Во дворах залаяли собаки. С минаретов мечетей послышались мелодичные голоса азанчи, созывающие правоверных мусульман на утреннюю молитву. А где-то на соборах зазвонили колокола.

На невольничий рынок столицы, кроме своих купцов, прибывали купцы из многих дальних стран. Местные купцы-ассирийцы, чтобы выделиться в пестрой толпе чужих купцов, одевались по-особому. Как эти купцы, были одеты и все посредники Абрама. У них были льняные, до пят туники. Сверху были надеты шерстяные туники, поверх них на плечи были накинuty белые плащи. На ногах у всех были кожаные сандалии. Лица они не брили. Головы были обвязаны чалмами, тела умащены благовониями. Каждый купец на большой палец левой руки надел перстень с печатью. На запястьях рук, щиколотках ног колыхались золотые браслеты. Купец-ассириец, чтобы выделиться, в руке держал специальную трость. А на трости как знак отличия вырезаны особые вензеля: яблоко, роза, лилия, орел. Этим купцы столицы Ашшура отличались от всех остальных купцов на аукционе.

Почти вся публика, прибывающая на аукцион, толпилось около палаток Арабелы, Шахри-Зады, Хавы. Чтобы слепая толпа в безумном восторге не хлынула к своим кумирам, не разнесла их площадки, организаторы аукцион их лица, как и лица остальных невольниц из той партии, прятали под капюшонами плащей. Стража, охранявшая их всю ночь, сопровождавшая повсюду, запрещала фанатам и купцам приближаться к площадкам их кумиров, заговаривать с ними.

Арабела, Шахри-Зада и Хава были одеты в золотистый, небесно-голубой и зеленый хитоны. На запястьях рук, щиколотках ног красовались тяжелые браслеты из золота. Они с цепями, пригвожденными к полу, звенели при малейшем их шевелении.

Пышные золотистые волосы Шахри-Зады и Хавы, вьющиеся темно-каштановые волосы Арабелы, ниспадающие до пят, сводили толпу с ума. Девочки пока держались достойно, без слез, паники. Только лица, иногда выглядывающие из-под капюшонов, были необычно бледны, а глаза смотрели затравленно.

* * *

На площадь Ашшура со всех концов города спешили купцы и горожане: видные царские сановники, офицеры, величественные дамы с мужьями, ремесленники, мелкие купцы, слуги, куртизанки и прочая шелуха. Вся площадь, улицы,

примыкающие к ней, были переполнены людьми, желающими увидеть торги на аукционе.

Прозвучал гонг, оповещающий начало открытия аукциона. Крупные рабовладельцы, известные купцы, их посредники, городская знать сидели впереди всех, перед шатрами, куда стражники царицы спрятали Арабелу, Шахри-Заду, Хаву, русскую княгиню Марию.

Одни купцы стояли, другие сидели на легких плетеных стульях. Богатые рабовладельцы, видные царские сановники, жрецы сидели под балдахинами в креслах из слоновой кости, привезенных и поставленных их рабами заранее.

Вот в плащах с капюшонами, накинутыми на головы, на площадку вывели известных на весь Восток и страны Европы красавиц Арбелу, Шахри-Заду, Хаву. Вместе с ними на площадку с закрытым лицом вывели и княгиню Марию. И в каземате ее держали рядом с этими восточными красавицами.

Толпа неистовствовала. Одни орали, другие выкрикивали имена своих фавориток, объяснялись им в любви.

Третьи освистывали всех: и невольниц, и их продавцов, и покупателей.

Глашатай стоял на площадке, рядом с невольницами, успокаивая ревущую, рвущуюся к ним толпу. Наконец, когда толпа успокоилась, глашатай, руками делая театральные движения, привлекая внимание публики, заговорил степенно, торжественно:

– Итак, уважаемые граждане Ашшура, гости, аукцион самых драгоценных «бриллиантов», которые когда-либо видел Восток, начинает свою работу. Здесь, на одной площадке, вы видите одновременно четырех красавиц мира. Бриллианты Востока: Арабела, Шахри-Зада, Хава. Русская княгиня Мария – жемчужина далекого Севера. Сравните, любуйтесь, делайте свои ставки. На этот раз по решению высшей аукционной комиссии «бриллианты» Востока вместе с «жемчужинной» Севера через аукцион будем реализовать в одни руки. Отделять один бриллиант от другого не позволяет и Верховный суд, и Высшая аттестационная комиссия! Они прекрасны, бесценны, когда находятся вместе! Такова воля и царицы Семирамиды! Кто из покупателей в состоянии приобрести этот квартет красоты и величия, мы к его услугам. Итак, господа, делайте свои ставки. Какую начальную цену назначите этим четверем созданиям богини Афродиты?

Толпа зашевелилась. Вперед вышел посредник рабовладельца из Вавилона. Сам рабовладелец вельможено восседал в кресле из слоновой кости, которое стояло под балдахинном. Рабовладелец из-под капюшона не показывал своего лица.

– Граждане Ашшура, уважаемые купцы, – заговорил посредник рабовладельца. – Мой господин согласен с условиями аукциона, оглашенными глашатаем. Пусть наши бриллианты и жемчужина России попадут в руки одного господина, в один дворец, как его величайшее приобретение и украшение!

- Я согласен! – поддержал его посредник крымского хана.
- Я тоже за! – выкрикнул посредник турецкого паши.
- Согласен! – поднял руку посредник шаха Персии.
- Не возражаем! – подняли руки со своих мест другие ра-

бовладельцы.

Согласно кивнул головой и посредник махараджи Индии.

Согласно кивнул головой и организатор аукциона, который сидел на специально отведенном месте, за площадкой, под балдахинном.

– Итак, досточтимые братья и сестры славной столицы Ашшур, а также уважаемые гости, друзья, какую же первоначальную цену назначите этим четверем славным красавицам? – повторил глашатай.

Откуда-то донеслось предложение в десять тысяч золотых монет.

– За каждую, – поправился он.

– Я понял – сорок тысяч золотых тарна! – подхватил глашатай. – Кто предложит другую цену?

С этими словами глашатай подошел к одной из девушек и стянул с её головы капюшон. Это была Хава. Она стояла с высоко поднятой головой и отрешенным выражением лица. Блестящие волосы густыми потоками ниспадали на ее плечи. Ее слегка накрашенные под клубнику губы ярко сияли в играющих лучах света.

– Пятьдесят тысяч золотых! – донеслось из толпы.

– А кто предложит шестьдесят тысяч? Я жду! – не отсту-

пал глашатай.

– Шестьдесят тысяч! – раздался голос.

Глашатай откинул капюшон с лица второй девушки. Это была Арабела.

Ее глаза сверкали гневом, отчего она становилась еще краше. Публика замерла. Такое прекрасное лицо мало кто видел среди простых смертных женщин. Косметика на лицо девушки была наложена столь профессионально, что даже специалист не отличил бы ее от естественного цвета кожи. Этот золотистый тон лишь подчеркивал её природную красоту, заставляя у мужчин кровь быстрее циркулировать по жилам.

– Семьдесят тысяч золотых тарнов! – донеслось из толпы.

– Восемьдесят тысяч золотых монет! – последовало за ним.

Арабела гордо встряхнула копной волос, улыбнулась, ныряя грациозным движением рук в черные копны своих волос. Браслеты на руках, железные цепи, надетые на запястья, загремели так гармонично, словно красавица сыграла на неведомом музыкальном инструменте.

– Будет предложение девяноста тысяч золотых? – обратился к присутствующим глашатай.

– Девяносто пять тысяч золотых монет! – донеслось из толпы.

Глашатай оглядел толпу, загадочно улыбаясь, подошел к третьей девушке.

Когда глашатай приблизился к девушке, протянул руку, чтобы снять с её головы капюшон, она недовольно отвернулась. Несмотря на цепи, сковывающие её запястья, быстро, гремя золотыми браслетами, стальными цепями, рванулась к ступеням, спускающимся с помоста. Она успела сделать несколько шагов, но тут цепь, привязанная к помосту, натянулись. И она, не удержавшись, села на ступеньку, обнажая длинные белокожие ноги выше колен. Глашатай щелкнул хлыстом, который гибкой змеей просвистел рядом с ее лицом. Щелканье хлыста, видимо, отрезвило бунтарку.

– Посмотрите на эту звезду! Разве в мире есть другая, сравнимая с ее божественной красотой? Не хотите увидеть то, что у нее прячется под плащом? А если вы представите себе, что спрятано под туникой?! – глашатай, показывая восхищение, зрачки глаз спрятал под веками, выкатывая белки. – Увидите, не пожалее! Только у кого слабое сердце, чтобы оно не остановилось, лучше отвернитесь! – Глашатай заводил публику.

Присутствующие все как один ответили:

– Хотим! Хотим, чтобы от увиденной красоты остановились сердца!

Один из толпы заорал:

– Даже больше предложенного хотим!..

Глашатай артистично покрутился вокруг Шахри-Зады, не дотрагиваясь до нее, вызывая у публики жажду сердец. Публика возбужденными криками торопила глашатая. Ей не тер-

пелось увидеть не только лицо этой бунтарки, но и то, что она прячет под туникой.

Глашатай ловким движением руки отбросил с её лица кашшон.

Публика на мгновение замерла. Лицо Шахри-Зады было так прекрасно, словно Афродита сошла с небес. Казалось, все лучи солнца золотом брызнули на ее лицо, на изумительной красоты носик с трепещущими тонкими ноздрями. С ноздри красавицы на верхнюю губу свисало изящное золотое колечко. Зазвенели золотые браслеты на запястьях рук, лодыжках ног.

По рядам зрителей пробежал шелест восторга. Публика взорвалась в неистовстве. Шахри-Зада действительно выглядела невероятно красивой звездой, образовавшейся из всех крохотных звездочек на небе. Она была изящной, утонченной красавицей, таящей в себе все прелести и секреты небес. Сейчас она, пожалуй, могла бы стать в один ряд с самыми восхитительными звездами на небесах.

Толпа была так заряжена, словно над ней нависли разгоряченные небеса.

Никто, казалось, в душе не мог поверить, что этих очаровательных созданий, пусть пленниц, кто-либо осмелится выставить на аукцион.

Внезапно тишину разорвал голос:

– Сто тысяч золотых тарнов! – крикнул рабовладелец в тунике с эмблемой Арабелы. Он сидел рядом с представите-

лями Абрама.

– Сто десять тысяч! – уверенно перебил его другой, очевидно, понимающий толк в красоте рабовладелец, на левом рукаве которого виднелся герб Иерусалима.

Сейчас все три девушки стояли рядом: Арабела чуть впереди, Шахри-Зада и Хава по ее бокам.

Мария все еще стояла в стороне. Ее никто не замечал.

Дав зрителям вдоволь полюбоваться на красавиц, глашатай заставил их снова обойти вокруг помоста.

Ставки подскочили до ста сорока тысяч тарнов.

Невольниц глашатай вернул в центр площадки. Он их расставил треугольником спинами друг к другу. При этом Арабела была обращена лицом в сторону Абрама, а Шахри-Зада и Хава – лицами к его служанке Амелии. При встрече взглядами с Амелией они затряслись. У девочек засверкали глаза. Они еле удерживались, чтобы не расплакаться.

В руке организатора аукциона щелкнул хлыст. Глашатай забегал вокруг невольниц. Он ключом отмыкал замки, висящие на запястьях левых рук невольниц. И цепи повисли, болтаясь на запястьях правых рук.

После этого глашатай артистичным движением сбросил золотистую накидку с плеч Арабелы. И она предстала перед взорами присутствующих в короткой золотистой тунике без рукавов, подпоясанной широким золотым кавказским поясом со сверкающими камнями.

Зрители встретили это превращение красавицы востор-

женными возгласами.

Глашатай скинул небесно-голубое покрывало с плеч Шахри-Зады. Эта красота оказалась не менее привлекательной, чем Арабела.

Энтузиазм присутствующих вылился в единодушный неистовый вопль.

Глашатай снял покрывало с плеч Хавы.

Толпа взорвалась от неистового восторга.

На Хаве была короткая шелковая туника зеленого цвета без рукавов, удерживаемая узлом на одном плече.

– Сто семьдесят тысяч золотых! – предложил торговец из Крыма.

– Двести тысяч золотых монет! – перебил посредник рабовладельца из Ниневии.

Глашатай был в ударе. Решающий удар по карманам рабовладельцев, генералов, царских сановников он нанесет чуть позднее. А пока он собирался преподнести еще один сюрприз.

Глашатай кошачьим шагом подкрался к оцепеневшей русской княгине и резким движением руки с ее плеч сорвал и плащ, и тунику. Русская княгиня перед беснующейся толпой предстала во всей красе первородной Евы. Толпа ахнула. Никто предположить не мог, что женщина с ног до головы может быть до такой степени белокожей и такой прелестной. Кожа русской красавицы была белее, намного белее и нежнее коровьего молока. А как красиво было ее лицо! С

шелковистого, белокожего лица на орущую толпу застенчиво глядели глубокие, как озера, глаза.

Цена резко подскочила до двухсот пятидесяти тысяч золотых монет.

Глашатай в круг вывел прекрасных ассириянок. Теперь Шахри-Зада и Арабела стояли посередине, а Хава с Марией по флангам. Глашатай приказал сделать круг вокруг каменного постамента. Девушки, пожираемые взглядами присутствующих, исполнили круг почета. Вернувшись на помост, Арабела и Шахри-Зада встали в центре площадки, а Хава и Мария по бокам.

Ставки резко взлетели до трехсот тысяч золотых монет. Послышались недовольные выкрики тех представителей торгового мира, кто, очевидно, не был готов на такой скачок ставок.

Все замерли. Были заявлены запредельные ставки. Многие посредники рабовладельцев, власть имущих занервничали.

Глашатай щелкнул хлыстом, подкрался к Арабеле. Схватил её за левую руку, сковывая запястье с цепью за спиной. Затем он сбросил с её плеча лямку, удерживающую тунику. Толпа ахнула, пораженная ее нагой красотой, пышными грудями, узким станом, формами тела, бедер, ног.

Последовало предложение в четыреста тысяч золотых монет.

Руководитель аукциона незаметно для толпы щелчком

пальцев подал сигнал глашатаю. И от щелчка хлыста в руках глашатая девушки поменяли позицию.

Теперь Шахри-Зада стояла впереди остальных. С нее, как и с Арабелы, была сброшена туника, что нашло ответную реакцию одного из присутствующих, предложившего четыреста пятьдесят тысяч золотых.

Девушки снова поменялись местами. Вперед вышла Хава.

Шахри-Зада не выдержала напора страстей, сжала кулаки и рванулась к куратору аукциона. Но глашатай удержал ее за руку. Заломив руку за спину, сковал наручниками, злобно шипя:

– Ты, красотка, своей игрой на смычковых инструментах с ума сводила представителей высшего сословия. – Оттаскивая ее обратно в центр площадки. – Теперь посмотрим, как своими прелестями «поиграешь» перед этой грязной публикой!

С этими словами он резким движением содрал тунику с плеч девушки и обнажил её.

Шахри-Зада неожиданно вскрикнула. Она была прекрасна. Она была смущена, пыталась стыдливо прикрывать обнаженную грудь ладонями.

Глашатай ее запястья цепью сковал за спиной, чтобы покупатели могли разглядеть совершенство форм, красоты ее тела. А полюбоваться было чем.

– Пятьсот тысяч золотых тарнов! – заявил какой-то богач. Восхищенные возгласы и глаза зрителей говорили, что эти

красавицы стоят предложенной суммы.

– Пятьсот пятьдесят тысяч! – выкрикнул рабовладелец из Ашшура.

– Шестьсот тысяч! – предложил торговец с гербом Арабелы на рукаве.

Площадь замерла. Кажется, торг сейчас будут считать состоявшимся. И глашатай на плечи девушек набросил плащи, а капюшоны накинул на головы.

Здесь, под большим золотым балдахинном, в кресле из слоновой кости, в окружении охраны восседала важная персона с капюшоном на голове с видом сытого, удовлетворенного царя.

Все зашептали: «Фараон Египта».

Его одеяние темных тонов было совершенно неброским. Он с головы на плечи отбросил капюшон, раскрывая большую голову с редкими седыми волосами. Лицо его было сурово, величественно.

Во всем его облике чувствовалась сила, опытность, пронзительный ум, властолюбие. Он производил впечатление хищника, вышедшего на охоту и подстерегающего жертву у водооя.

– Подведи ко мне всех четырех красавиц! – потребовал он.

Зрителям его требование явно пришлось по душе.

Организатор аукциона со своего места низко поклонился самому влиятельному человеку Египта.

По знаку руководителя аукциона под четырехкратное шелканье хлыста с плеч всех невольниц были сброшены плащи. И они предстали перед фараоном во всей своей нагой красе.

Толпа заколыхалась. Она в единодушном порыве подалась вперед. Никто не мог предположить, на какую высоту подскочат ставки за них.

Все они были божественно прекрасны.

Когда первое волнение у толпы улеглось, среди общей тишины раздался тот же повелительный голос:

– Сними с девиц цепи!

Наручники тут же со звоном упали под ноги пленниц. Девушки, стыдливо прикрывая глаза, стали спешно прикрываться туниками, лежащими под ногами.

Фараону стыдливость невольниц понравилась. Он разрешил им надеть туники. Они, одетые, без гремящих стальных цепей, казалось, почувствовали себя намного свободнее. Головы их были гордо приподняты, взоры опущены под пожирающими взглядами зрителей. И они, стоя на площадке перед фараоном, посреди орущей толпы, казались живым олицетворением богинь любви и красоты.

* * *

Ставки посыпались одна за другой. Организатор аукциона едва успевал их фиксировать. Среди общего шума удалось

расслышать, что ставки остановились на семистах тысячах золотых монет.

Организатор аукциона угодливо посмотрел в сторону фараона Египта.

– Восемьсот тысяч золотых тарнов! – сделал ставку посредник фараона.

На площади от таких ставок вдруг установилась гробовая тишина.

– Не соблаговолит ли благородный гражданин Египта что-нибудь сверху накинуть?

– Пусть они станцуют что-нибудь, – бросил тот вальяжно.

Организатор еще раз поклонился фараону. Толпа ревела.

По знаку организатора аукциона музыканты, сидящие невдалеке, под тентом, заиграли на музыкальных инструментах. Глашатай повел невольниц на помост. Они, приподняв руки, в танце лебедями пошли по площадке.

Толпа обезумела. Особенно шумно, вызывая себе вела группа куртизанок, сидящая на плетеных стульях в средних рядах зрителей. Постепенно усиливались их визги, изумленные возгласы. Они возбужденно оглядывали молодых мужчин, стоящих рядом. Смелея, строили им глазки. Куртизанки были ослеплены красотой невольниц, стоящих на площадках аукциона. Не верилось, что женская красота способна достичь такого совершенства. Куртизанки видели, какую страшную власть эти красавицы имеют над торговцами, выторговывающими их. Почему бы им тоже не воспользоваться

своей властью над мужчинами? Видно было, что у мужчин под пылкими взглядами куртизанок участилось дыхание. Заметно стало, что куртизанки становились вызывающе сексуальными. Некоторые из них тайком приподнимали вуали с лиц. И в их взглядах, бросаемых на возбуждающихся зрителем мужчин, постепенно появлялось затаенное желание.

До слуха фараона донесся шепот сотни, тысячи зовущих, соблазнительно раскрывающихся перед мужчинами губ девиц и молодых женщин. Обернувшись, фараон увидел, как губы стоящей неподалеку от него девушки слились с губами наклонившегося к ней молодого горожанина.

По рядам горожан рабы в хитонах понесли кувшины с вином. Публика, прикладываясь к кубкам, менялась на глазах, становилась раскованной.

Фараон кому-то многозначительно подмигнул. Все шло по разработанному им плану.

Зрители, участники аукциона, словно на время позабыли про аукцион. Они все разом обезумели. Отовсюду неслись крики вожделения, стоны возбуждающихся женщин, обнимающихся, ласкающихся с мужчинами, стоящими рядом.

Одна из куртизанок, срывая с себя тунику, попыталась пробиться на помост. Но попала в объятия мужчины, который ее потащил в кусты. Вторая куртизанка содрала с себя накидку и, притянув к себе голову ближайшего мужчины, впиалась в его губы сладострастным поцелуем.

Молодые ребята с замаскированными лицами по всем ря-

дам разносили, раздавали кувшины с вином и кубки.

Девушки, исполняющие танец на помосте, создавали пламенную обстановку вокруг себя, во всей толпе. Толпа превращалась в одну голодную, беснующуюся массу, способную захватить в свои трепещущие объятия весь город, всю Ассирию.

Наконец невольницы, танцующие на площадке, остановились, пораженные тем, что вокруг них творится. Девушки стояли на подиуме, возбужденно сверкая глазами, ничего не понимая, что происходит.

Руководитель аукциона стал перед пленницами.

Ему не пришлось даже спрашивать, желает ли кто-нибудь повысить предлагаемую ставку.

– Восемьсот восемьдесят тысяч золотых монет!

– Девятьсот тысяч золотых монет!

Толпа остолбенела. Ставки взлетели в небеса. Многие посредники замерли, теряя дар речи.

Глашатай:

– Девятьсот тысяч золотых монет раз! Девятьсот тысяч золотых монет два!

Толпа, затаив дыхание, затихла, выжидая решающего гонга аукциона.

Организатор аукциона обратился к фараону Египта:

– Не соблаговолит ли благородный гражданин Египта, самый первый из всех рабовладельцев, неоспоримый хозяин всех морей, проявить дальнейший интерес к этим достой-

нейшим созданиям?

Прокатившийся по площади гул лучше всяких слов говорил, что толпа находилась в нетерпеливом ожидании.

Фараон продолжал хранить молчание. Он голову прикрыл капюшоном. Теперь никто не увидит выражения его лица, глаз. Фараон, довольный создавшейся вокруг себя таинственностью, ухмылялся: «Думаю, я неплохо сыграл роль фараона Египта. Пора запускать механизм цепной реакции». Он кивнул организатору аукциона.

* * *

Организатор аукциона, не закончив его, бросил рабочую площадку с четырьмя невольницами. Он, как по команде, переключился на соседнюю площадку. Вместе с ним на соседнюю площадку перешел и глашатай. Глашатай на площадку вывел «живой товар», делая ставки, стал проводить оживленный торг.

Толпа вместе с организаторами аукциона перешла к новой площадке.

Время было вечернее. Повсюду на площадках, где шел аукцион, зажгли факелы, фонари.

На площадку вывели партию невольниц. Организатор аукциона на помост под номером 1 вывел одну яркую русскую княгиню. Она была почти подросток. Пятнадцати лет от роду, с русыми кудряшками и глазами испуганной лани. За 15

000 золотых монет она была продана толстому, облезлому египтянину.

После нее с аукциона продали еще четырех невольниц.

Под шестым номером вывели смуглую красавицу еврейку из Иерусалима. Именно эта красотка накануне ночью дала пощечину назойливому купцу из Египта.

Едва эта красавица зашла на помост, как тот купец выдвинулся вперед и предложил за нее 20 тысяч золотых монет. Девушка была так величественна, горделива, дьявольски красива, что ставки на нее стали геометрически поднимать. Но престарелый искуситель не собирался отступать. В итоге красивая еврейка была приобретена старым искусителем за 62 000 золотых монет. Он под общий смех собравшейся толпы изрек, издеваясь:

– Ну, голубка, теперь следуй за мной в свое новое жилище! Сегодня ночью в постели будешь задыхаться подо мной! – новый хозяин, накинув на руки невольницы аркан, потащил ее за собою.

Девушка шла за новым хозяином, обливаясь горячими слезами. В ее душе кипела ярость. Купец с красавицей скрылись в гуще толпы.

Вдруг страшный крик огласил воздух. Он раздался с места, где только что скрылся новый владелец со своей рабыней. Толпа хлынула на крик, выхватив факелы из рук служителей торжища. Смуглая красавица с окровавленным кинжалом, точно каменное изваяние, выпрямившись во весь рост,

стояла над истекающим кровью трупом своего нового хозяина. За площадью гордячка успела выхватить из ножен хозяина кинжал и полоснуть им по его шее.

Красотку кто-то выхватил из толпы, и они побежали, скрываясь.

– Хватайте! Держите убийцу! – слышались голоса.

Служители форума, стража кинулась за беглянкой. Туда, где совершилось убийство, со всех сторон собирались вооруженные стражники, одетые в черную форму и в накинутых капюшонах. Толпа озадаченно смотрела на них. Люди никогда не видели царскую стражу в такой форме. Стражники царицы были в красных хитонах, сандалиях, при мечах, притороченных к поясам, с щитами, короткими копьями в руках. А у этих в обеих руках грозно сверкали огромные кривые сабли.

С минуту толпа стояла в оцепенении. Когда она очнулась, убийца уже пропала, а вместе с ней и стражники в незнакомой форме.

Толпа стояла в оцепенении. Площадка, где накануне продавали четырех красавиц, тоже опустела.

Раздался отчаянный крик глашатая:

– Пропали бриллианты Востока вместе с русской красой!

Никто не заметил, как помост с Арабелой, Шахри-Задой, Хавой и русской княгиней Марией окружили стражники в черной форме, вооруженные кривыми мечами, и как он опустел.

Глашатай орал на всю площадь:

– Стражники, олухи, куда вы смотрели? На ваших глазах разбойники выкрали Арабелу, русскую княгиню Марию и дочерей генерала Адада! Горе нам, горе! Царица Семирамида всех нас обезглавит!

В это время более трех тысяч всадников в черных капюшонах увозили пленниц царицы из города в пески.

* * *

План, разработанный Абрамом с друзьями, был удачно осуществлен. Генерал Адад был поражен храбростью друзей Абрама. Его любимая Арабела и дочери были на свободе. С ними отправилась и русская княгиня Мария.

Генерал Адад с начала и до окончания аукциона, переодевшись в хиджаб мусульманки, прятался в толпе. Он наблюдал за всем, что происходит на площадке с его крошками, обливался слезами, хватался за рукоятку кинжала, когда их начинали обижать. Слава всевышнему, все обошлось.

Генерал Адад за стражей в черных плащах в темноте проскользнул сквозь толпу. Уходя, сзади себя слышал возгласы молодого человека:

– О, теперь я не сожалею, что пришел на аукцион! Я даже в снах не представлял, что девушки могут быть так красивы! Пусть боги хранят их!

* * *

В ту же ночь караван верблюдов, охраняемый тремя тысячами стражников в черном одеянии, вооруженных кривыми саблями, с генералом Ададом, его девочками и Арабелой направлялся в одну из персидских пристаней на море Каспиан.

Если судьба соблаговолит, через пару недель они достигнут берега моря. Через три недели придут в Дербент. Генерал с девочками отправлялся к Мугаду, дяде Адада. Мугад имеет свои рынки, торговые лавки в Дербенте, Крыму, Ереване, Баку, Бухаре, Самарканде, Хиве.

В западне водной стихии

Шахри-Зада даже от своих великих учителей не слышала о море Каспиан. Она не могла предположить, что это море может быть таким бескрайним, синим, синим... Тихим... тихим... И неожиданно стать таким буйным, всепоглощающим, сотрясающим, опрокидывающим в свои глубины небеса...

В лунную ночь караван судов, трюмы которых были переполнены невольниками и другим ценным товаром, на всех парусах с восточных берегов понесся на запад, в Дербент. Как предполагал капитан, если вереница судов благополучно приплывет в Дербент, там они наберут воды и продуктов. Потом, в полнолуние, одни с заморскими товарами по Арагви поплывут в сторону Албании, Колхидии. С других судов «живой товар» с караванами верблюдов по суше отправят в Каппадокию, Сарматию, Уграм, Хорезм...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.